

С. А. НЕФЕДОВ

ВОЙНА И ОБЩЕСТВО

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ
ИСТОРИЧЕСКОГО
ПРОЦЕССА

ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО

Сергей Нефедов

**Война и общество. Факторный
анализ исторического
процесса. История Востока**

«Территория будущего»

Нефедов С. А.

Война и общество. Факторный анализ исторического процесса.
История Востока / С. А. Нефедов — «Территория будущего»,

Монография посвящена анализу исторического процесса в странах Востока в контексте совокупного действия трех факторов: демографического, технологического и географического. Книга адресована специалистам-историкам, аспирантам и студентам вузов.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГЛАВА I	7
1.1. ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ИСТОРИИ	7
1.2. РОЛЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА. ДЕМОГРАФИЧЕСКИ-СТРУКТУРНАЯ ТЕОРИЯ	9
1.3. РОЛЬ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА. ТЕОРИЯ ВОЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ	17
1.4. РОЛЬ ФАКТОРА ВНЕШНИХ ВЛИЯНИЙ. ДИФФУЗИОНИЗМ	22
1.5. ФОРМИРОВАНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА	26
1.6. ФОРМИРОВАНИЕ КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА	31
1.7. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ И КОЧЕВНИКОВ	37
1.8. ТРЕХФАКТОРНАЯ МОДЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	42
ГЛАВА II	44
2.1. ДРЕВНИЙ ШУМЕР	44
2.2. ПЕРВАЯ ВОЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: СОЗДАНИЕ СЕМИТСКОГО ЛУКА	50
2.3. ИМПЕРИЯ САРГОНИДОВ	53
2.4. ШУМЕР ПРИ III ДИНАСТИИ УРА	55
2.5. СТАРОВАВИЛОНСКИЙ ПЕРИОД	59
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сергей Александрович Нефедов

Война и общество. Факторный анализ исторического процесса

История Востока

СОСТАВИТЕЛИ СЕРИИ:

В. В. Анашвили, А. Л. Погорельский

НАУЧНЫЙ СОВЕТ:

В. Л. Глазычев, Г. М. Дерлугьян Л. Г. Ионин,
А. Ф. Филиппов, Р. З. Хестанов

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

академик РАН В. В. Алексеев

РЕЦЕНЗЕНТЫ

доктор исторических наук, г. н. с, профессор А. В. Коротаяев доктор исторических наук,
г. н. с, профессор Н. Н. Крадин

Книга рекомендована к печати Ученым советом Института истории и археологии УРО
РАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Еще Аристотель сказал, что наука есть познание причин. Хотя некоторые современные историки предпочитают не говорить о законах истории, никто из них не отрицает наличия в историческом процессе причинно-следственных связей. Отрицание причинной обусловленности событий прошлого отняло бы у истории право называться наукой. «История может считаться наукой лишь в той степени, в которой она объясняет мир», – сказал знаменитый социолог Эмиль Дюркгейм.

Может ли современная историческая наука «объяснить мир»?

Главные причины, обуславливающие исторические события, называют движущими силами истории или *факторами исторического процесса*. Хотя различные исследователи упоминают значительное число факторов, реальный механизм действия прослежен лишь для немногих движущих сил истории. К числу этих немногих факторов принадлежат *демографические колебания, технические инновации, а также внешние влияния, включающие в себя войны*. Особое место занимает *географический фактор*, который формирует в разных по природным условиям регионах общества, глубоко отличающиеся в хозяйственном отношении (например, общества земледельцев и кочевников), взаимодействие которых оказывает огромное влияние на ход истории.

Относительно недавние успехи исторической социологии, и в частности исследование роли технологического фактора в работах Уильяма Мак-Нила и создание демографически-структурной теории Джека Голдстоуна, позволяют достаточно детально указать на те конкретные следствия, которые должно вызвать действие перечисленных факторов. Таким образом, возникает возможность проследить, как именно проявлялось их действие в конкретной истории различных стран, и объяснить многие исторические процессы и события. Эта книга посвящена анализу исторического процесса в традиционных обществах Востока и отслеживанию тех явлений, которые могут быть интерпретированы как результат воздействия перечисленных выше движущих сил истории. Наша конечная цель – выяснить, достаточно ли этих факторов для объяснения основных моментов развития стран Востока, и указать на те явления, которые, возможно, не находят объяснения при таком подходе.

Сложность рассматриваемой проблемы не раз побуждала автора обращаться по конкретным вопросам к поддержке специалистов. В этой связи автор считает своим долгом выразить искреннюю благодарность Дж. Голдстоуну (Университет Дж. Мэйсона, Вашингтон), Ч. Данингу (А&М Университет штата Техас), Г. Дерлугьяну (Северо-Восточный ун-т, Чикаго), Л. Е. Гринину (Волгоградский центр социальных исследований), А. В. Коротаеву (Ин-т Африки РАН), Н. Н. Крадину (Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН), Э. С. Кульпину (Ин-т востоковедения РАН), О. Е. Непомнину (Ин-т востоковедения РАН), С. Памуку (Ун-т истории современной Турции, Стамбул), Н. П. Рябченко (Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН), П. Турчину (Ун-т штата Коннектикут), В. Флуру (Лейденский ун-т). Мы благодарны также руководителю Центра экономической истории при историческом факультете МГУ Л. И. Бородкину и всем специалистам, принявшим участие в обсуждении отдельных глав этой работы на семинарах Центра.

ГЛАВА I

ФАКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

1.1. ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ИСТОРИИ

Идея факторного анализа исторического процесса подразумевает изучение влияния на этот процесс основных действующих факторов – «движущих сил истории». Вопрос о движущих силах исторического процесса – одна из «вечных тем», занимавшая умы многих исследователей. В своих трудах историки пытались показать механизм действия отдельных факторов, и многочисленные попытки такого рода привели к появлению обширной литературы, посвященной этому предмету. Роль некоторых факторов оказалась трудна для анализа, действие других оказалось слишком неопределенным, в конечном счете путем «естественного отбора» сложился комплекс факторов, систематический характер действия которых удалось проследить на массовом историческом материале. В современных учебниках социальной философии часто выделяют четыре фактора: географический, демографический, экономический и технологический, а концепции, описывающие их действие, носят название, соответственно, географического, демографического, экономического и технологического детерминизма¹. Каждая концепция включает в себя группу теорий, разработанных разными авторами и делающих подчас акцент на различных проявлениях одного и того же фактора, но в целом признающих его определяющую роль. Концепция географического детерминизма описывает воздействие природных условий на сложение земледельческих и кочевых обществ, а также на те перемены, которые иногда влекло за собой изменение климата. Развитие этой концепции было связано с работами Э. Реклю, Ф. Ратцеля, К. Витфогеля и многих других исследователей. Концепция демографического детерминизма сфокусирована на тех изменениях, которые влекут за собой рост или уменьшение населения; ее родоначальником считается Т. Мальтус. Развитие экономического детерминизма было связано с распространением марксизма, основной тезис которого сводился к тому, что общественные отношения определяются уровнем развития производительных сил. Наконец, концепция технологического детерминизма подчеркивает важную роль техники и то влияние, которое технологические революции оказывают на жизнь людей.

Необходимо отметить, что этот комплекс факторов сложился исторически, по мере развития социологии, и перечисленные здесь факторы не являются независимыми. В действительности марксистское понимание производительных сил учитывает прежде всего уровень техники и технологии, поэтому экономический фактор является производным от технического фактора. В этом контексте распространившиеся в XIX в. теории экономического детерминизма принадлежат к появившемуся позже более широкому классу теорий технологического детерминизма, и их выделение объясняется лишь историографической традицией.

Кроме того, указанный комплекс из четырех (а фактически из трех) факторов не является устоявшимся и дополняется в некоторых работах² еще одним фактором, фактором внешних влияний. Этот фактор включает в себя влияние на конкретное общество войн, торговли и различных внешних заимствований. Некоторые исследователи особо выделяют роль диффузии инноваций³ и изменения внешней социальной среды⁴, но оба эти явления можно рас-

¹ См., например: Алексеев П. В. Социальная философия: Учеб. пособие. М., 2005. С. 16-21.

² Гринин Л. Е. Философия, социология и теория истории. Волгоград, 2000. С. 61-63.

³ Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. М., 2006. С. 20.

⁴ Кортаев А. В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2003. С. 19.

смаивать как частные случаи внешних влияний. Иногда упоминаются и другие факторы, однако фактически число рассматриваемых факторов ограничивается наличием эффективных теорий, которые описывали бы их действие в изучаемых нами обществах. Рассмотрению этих теорий и посвящена данная глава.

1.2. РОЛЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА. ДЕМОГРАФИЧЕСКИ-СТРУКТУРНАЯ ТЕОРИЯ

Изучению роли демографического фактора в историческом процессе посвящена обширная литература, поэтому мы ограничимся здесь лишь краткими тезисами⁵. Начало исследования проблемы влияния роста населения на жизнь общества связано с именем основателя демографической науки Томаса Роберта Мальтуса. Как известно, главный постулат Мальтуса заключался в том, что «количество населения неизбежно ограничено *средствами существования*»⁶. Поэтому рост населения приводит к нехватке продуктов питания, что отражается в развитых обществах в росте цен и ренты, в падении реальной заработной платы и в уменьшении потребления низших классов. Уменьшение потребления, в свою очередь, влечет замедление роста, а затем его приостановку и сокращение населения до уровня, определяемого средствами существования (или ниже его). Пищи теперь становится достаточно, заработная плата возрастает, потребление увеличивается – но затем процесс повторяется: «возобновляются прежние колебания, то в сторону возрастания, то в сторону уменьшения населения»⁷.

Идеи Мальтуса были восприняты крупнейшими экономистами классической школы. Давид Рикардо включил эти положения в разработанную им теорию заработной платы, вследствие чего вся теория получила название мальтузианско-рикардианской⁸. Важно отметить, что и Мальтус, и Рикардо изначально говорили о повторяющихся колебаниях численности населения, т. е. о *демографических циклах*. При этом колебания численности населения должны были сопровождаться колебаниями цен, земельной ренты, прибыли и реальной заработной платы, что приводило к представлениям о колебательном характере экономического процесса в целом (рис. 1).

В 1934 г немецкий историк и экономист Вильгельм Абель установил, что в Европе имелся период роста цен в XIII – начале XIV вв., сменившийся затем падением цен в XV в. и новым ростом в XVI – начале XVII вв. При этом повышение цен сопровождалось падением заработной платы и относительным ростом населения; периоды падения цен и роста заработной платы, наоборот, соответствовали периодам уменьшения численности населения⁹. В. Абель пришел к выводу, что эти процессы соответствуют положениям теории Рикардо; таким образом было доказано существование демографических циклов в истории Европы.

⁵ Подробнее см.: Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007. С. 6-22.

⁶ Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики. Т. 2. М., 1993. С. 22. Выделено Мальтусом.

⁷ Там же. С. 9, 18-22.

⁸ Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Рикардо Д. Сочинения. Т. I. М., 1955.

⁹ Abel W. Bevölkerungsgang und Landwirtschaft im ausgehenden Mittelalter im Lichte der Preis- und Lohnbewegung // Schmollers Jahrbücher. 58. Jahrgang, 1934; Idem. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935.

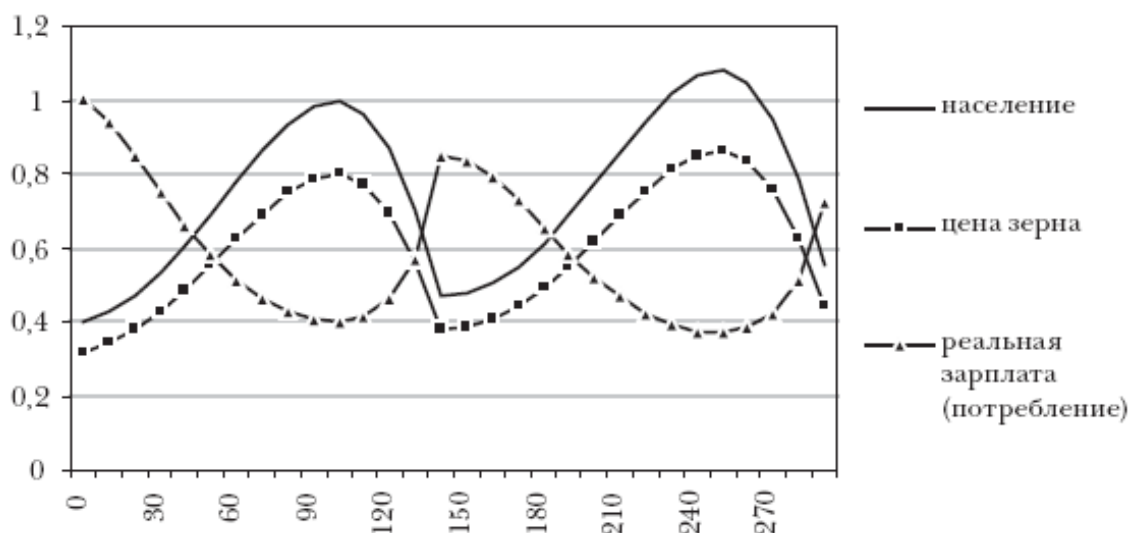

Рис. 1. Демографические циклы по теории Мальтуса – Рикардо: рост населения вызывает рост цен и рент и падение реальной заработной платы и потребления. Когда потребление становится ниже прожиточного минимума, начинается кризис и численность населения снижается, цены падают, потребление возрастает. Затем цикл повторяется

Работы В. Абея нашли широкий отклик в среде историков разных стран. Тема мальтузианской цикличности демографических и экономических процессов в Европе нашла подробное отражение в трудах М. Поста, Б. Слихера ван Бата, Р. Мунье, К. Чиппола, Д. Гласса и Д. Эверслея и других авторов¹⁰. Большую роль в разработке этой теории играла французская школа «Анналов», в частности работы Ж. Мевре, П. Губера, Ж. Дюби, Э. Лабрусса, Ф. Броделя, Э. Ле Руа Ладюри, П. Шоню¹¹. В 1967 г. вышел в свет первый том фундаментального труда Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV – XVIII веках»¹².

«Демографические приливы и отливы есть символ жизни минувших времен, – писал Фернан Бродель, – это следующие друг за другом спады и подъемы, причем первые сводят почти на нет – но не до конца! – вторые. В сравнении с этими фундаментальными реальностями все (или почти все) может показаться второстепенным...¹³. Растущее население обнаруживает, что его отношения с пространством, которое оно занимает, с теми богатствами, которыми оно располагает, изменились... Возрастающая демографическая перегрузка нередко заканчивается – а в прошлом неизменно заканчивалась – тем, что возможности общества прокормить людей оказывались недостаточными. Эта истина, бывшая банальной вплоть до XVIII в., и сегодня еще действительна для некоторых отсталых стран... Демографические подъемы влекут за собой снижение уровня жизни, они увеличивают... число недоедающих нищих и бродяг. Эпидемии и голод – последний предшествует первым и сопутствует им – восстано-

¹⁰ Postan M. M. The medieval economy and society: an economic history of Britain, 1100-1500. Berkley, Los Angeles, 1972; Ibid. Essays on medieval agriculture and general problems of medieval economy. Cambridge, 1973; Mousnier R. Les XVIe et XVIIe siècles. Les progrès de la civilisation européenne et la déclin de l'Orient (1492-1715). Paris, 1953; Slicher van Bath B. Op. Cit; Glass D. V., Eversley D. E. Population in History. London, 1965. Cippolla C. M. Before the industrial revolution. European Society and Economy, 1000-1700. London, 1976 (итальянское издание вышло в 1969 г.).

¹¹ Goubert P. Beauvais et le Beauvaisis de 1600 a 1730. Contribution à l'histoire sociale de la France du XVIIe siècle. 2 vols. Paris, 1960; Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc. P., 1966. Т. 1-2; Meuvret J. Les Crises de subsistances et la demographie d'Ancien Regime // Population. 1946. № 4. P. 643-650; Duby G. L'Economie rurale et la vie des campagnes de l'Occident medieval. 2 vol. Paris, 1962; Meuvret J. Etudes d'histoire économique. Paris, 1971; Chaunu P. La civilisation de l'Europe classique. Paris, 1984. Русский перевод: Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005.

¹² Braudel F. Civilisation materielle, économie et capitalisme, XV – XVIIIe siècles. 1 vol. Paris, 1967. Русский перевод: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV – XVIII веках. Т. 1. М., 1986.

¹³ Здесь и далее, если это особо не оговаривается, выделение курсивом принадлежит автору книги.

ливают равновесие между количеством ртов и недостающим питанием... Если необходимы какие-либо конкретные данные, касающиеся Запада, то я бы отметил длительный рост населения с 1100 по 1350 г., еще один с 1450 по 1650, и еще один, за которым уже не суждено было последовать спаду, – с 1750 г. Таким образом, мы имеем три больших периода демографического роста, сравнимые друг с другом... Притом эти длительные флуктуации обнаруживаются и за пределами Европы, и примерно в то же время Китай и Индия переживали регресс в том же ритме, что и Запад, как если бы вся человеческая история подчинялась велению некоей первичной космической судьбы, по сравнению с которой вся остальная история была истиной второстепенной»¹⁴.

Таким образом, Ф. Бродель утверждал, что Восток колебался в ритме демографических циклов синхронно Западу. Основанием для этого утверждения было обнаружение турецким историком О. Барканом демографического цикла в Османской империи, синхронного европейскому циклу конца XV – начала XVII вв.¹⁵ Однако Р. Камерон подвергал критике этот тезис Ф. Броделя, указывая на недостаток исследований по этой тематике¹⁶. До сравнительно недавнего времени изучение этого вопроса ограничивалось работами израильского ученого Елеаху Аштора, исследовавшего циклы цен и заработной платы на Ближнем Востоке в Раннее Средневековье¹⁷, а также несколькими исследованиями, с разной степенью детализации рассматривавшими демографические циклы в Китае¹⁸.

В 70-80-е гг. XX в. учение о демографических циклах получило общее название «неомальтузианства», однако необходимо отметить, что приверженцы этой теории в разных странах так и не выработали общей терминологии: они называли циклы «демографическими», «логистическими», «общими», «аграрными», «вековыми», «экологическими», подразумевая под ними одни и те же циклы, описанные Мальтусом и Рикардо. Мальтусовский термин «средства существования» в современной терминологии стал трактоваться как вмещающая емкость экологической ниши («carrying capacity»). Это понятие включает территорию и объем ресурсов, находящихся в распоряжении данного общества. Емкость экологической ниши, очевидно, зависит от технологии (в частности, от сельскохозяйственной технологии); технические открытия могут приводить к расширению экологической ниши, поэтому демографическая динамика определяется не только внутренними циклическими закономерностями, но и влиянием *технологического фактора*. Это влияние менее существенно для изучаемого нами традиционного общества, но сказывается в современных развивающихся странах, где черты прошлого переплетаются с процессами модернизации. Проблема аграрного перенаселения в развивающихся странах была одной из важных практических тем, рассматривавшихся теоретиками неомальтузианства. В частности, в капитальном исследовании Д. Григга были проанализированы процессы перенаселения в западноевропейских странах в XIV и в XVII вв., исследовано их влияние на различные аспекты социально-экономического развития и проведено сопоставление с социально-экономическими процессами в странах третьего мира¹⁹.

¹⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV – XVIII веках. Т. 1. Структуры повседневности. М., 1986. С. 42–44.

¹⁵ Barcan O. L. Rec. ad. Op.: F. Braudel. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II // Revue de la faculté des sciences économiques de l'Université d'Istanbul. Istanbul, 1949-1950. Vol. XI. P. 206.

¹⁶ Cameron R. Europe's second logistic // Comparative Studies in Society and History. 1970. № 12. P. 457.

¹⁷ Ashtor E. L'Histoire des prix et des salaires dans l'Orient Medieval. P. 1969; Ashtor E. A social and economic history of the Near East in the Middle Ages. London, 1976. P. 66, 153.

¹⁸ Например: Ping-ti Ho. Studies on the Population of China, 1368-1953. Cambridge, 1959; Elvin M. The Pattern of the Chinese Past: A Social and Economic Interpretation. Stanford, 1973; Liu P. and Huang K. Population Change and Economic Development in Mainland China since 1400 // Modern Chinese Economic History. Taipei, 1977; Chao K. Man and Land in Chinese History. An Economic Analysis. Stanford, 1986.

¹⁹ Grigg D. Population Growth and Agrarian Change. Cambridge, 1980.

Новый этап в развитии концепции демографических циклов был связан с появлением демографически-структурной теории Джека Голдстоуна²⁰, получившей дальнейшее развитие в монографии П. Турчина и С.А. Нефедова²¹. В то время как мальтузианская теория рассматривала динамику населения в целом, демографически-структурная теория рассматривает структуру «государство – элита – народ», анализируя взаимодействие элементов этой структуры в условиях роста населения. При этом динамика «народа» описывается так же, как динамика населения в неомальтузианской теории. Новым теоретическим элементом является анализ влияния демографического роста на элиту и государство. Демографический рост *элиты* в условиях ограниченности ресурсов влечет за собой дробление поместий и оскудение части элиты. Элита начинает проявлять недовольство и усиливает давление на народ и на государство с целью перераспределения ресурсов в свою пользу. Кроме того, в рядах элиты усиливается дифференциация и фрагментация, отдельные недовольные группировки элиты в борьбе с государством обращаются за помощью к народу и пытаются инициировать народные восстания²².

Для *государства* рост населения и цен оборачивается падением реальных доходов. Властям становится все труднее собирать налоги с беднеющего населения, это приводит к финансовому кризису государства, который развивается на фоне голода, народных восстаний и заговоров элиты. Все эти обстоятельства в конечном счете приводят к революциям и краху («брейкдауну») государства²³.

Демографически-структурная теория уделяет особое внимание так называемым *трансформациям структуры* «государство – элита – народ». Трансформация структуры – это качественное изменение элементов, составляющих структуру, а также изменение принципов их взаимодействия (например, установление крепостного права). Трансформации структуры приводят к особо масштабному перераспределению ресурсов, которое иногда порождает социальные кризисы – мы будем называть эти кризисы структурно-демографическими или просто *структурными*²⁴. В некоторых случаях трансформации структуры и структурные кризисы могут быть объяснены в рамках демографически-структурной теории – но не всегда. Поэтому в этом пункте (так же, как в вопросе о расширении экологической ниши) возникает необходимость рассмотрения роли других, недемографических, факторов в механизме демографического цикла. Это те «точки входа», через которые демографически-структурная теория сопрягается с теориями, описывающими влияние других, рассматриваемых ниже факторов.

Мальтузианское описание демографического цикла подразумевает естественное деление демографического цикла на фазы, характеризующиеся различной динамикой населения, цен и реальной заработной платы. Опираясь на исследования Э. Ле Руа Ладюри, Д. Григга и Дж. Голдстоуна²⁵, можно привести следующее описание фаз демографического цикла.²⁶

Для *фазы роста* (или *фазы восстановления* после предшествующего кризиса) характерны следующие явления: наличие свободных земель, удобных для возделывания; быстрый рост населения; рост посевных площадей; в начале периода – низкие цены на хлеб; тенденция к постепенному росту цен; высокая реальная заработная плата и относительно высокий

²⁰ Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991. See also: Goldstone J. East and West in the Seventeenth Century: Political Crises in Stuart England, Ottoman Turkey, and Ming China // Comparative Studies in Society and History. 1988. Vol. 30. N. 1. P. 103-143.

²¹ Turchin P., Nefedov S. Secular Cycles. Princeton: Princeton University Press. 2008.

²² Ibid. P. 6-7.

²³ Ibid. P. 24-25, 459.

²⁴ Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005. С. 38.

²⁵ Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc. P., 1990. P. 346-370; Grigg D. Op. cit. P. 20-28, 39, 76-78.

²⁶ Подробнее см. Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007. С. 99-102.

уровень потребления, но при этом – тенденция к постепенному понижению реальной заработной платы и уровня потребления; низкий уровень земельной ренты; тенденция к постепенному повышению уровня ренты; относительно низкий уровень государственной ренты (налогов); строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений; относительно ограниченное развитие городов; относительно ограниченное развитие ремесел; незначительное развитие аренды, незначительное развитие ростовщичества.

Для *фазы Сжатия* характерны: отсутствие доступных крестьянам свободных земель; крестьянское малоземелье; высокие цены на хлеб; низкий уровень реальной заработной платы и потребления основной массы населения; демографический рост, ограниченный ростом урожайности; высокий уровень земельной ренты; частые голодные годы; частые эпидемии; разорение крестьян-собственников; рост задолженности крестьян и распространение ростовщичества; распространение аренды; высокие цены на землю; рост крупного землевладения; уход части разоренных крестьян в города; попытки малоземельных и безземельных крестьян зарабатывать на жизнь работой по найму, ремеслом или мелкой торговлей; быстрый рост городов; развитие ремесел и торговли; рост числа безработных и нищих; активизация народных движений под лозунгами уменьшения земельной ренты, налогов, передела собственности и социальной справедливости; попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа; попытки увеличения продуктивности земель; переселенческое движение на окраины и развитие эмиграции; ввоз продовольствия из других стран (или районов); попытки расширить территорию путем завоеваний; непропорциональный (относительно численности населения) рост численности элиты; фрагментация элиты; борьба за статусные позиции в среде элиты; ослабление официальной идеологии и распространение диссидентских течений, обострение борьбы за ресурсы между элитой и государством; попытки оппозиционных государству фракций элиты поднять народ на восстание или их присоединение к народным восстаниям; финансовый кризис государства, связанный с ростом цен и неплатежеспособностью населения.

Экономическая ситуация в этот период неустойчива, у многих крестьян отсутствуют необходимые запасы зерна, и любой крупный неурожай или война могут привести к голоду и экосоциальному кризису. «Экономика предельно напряженная», – писал П. Шоню²⁷.

Для *фазы экосоциального кризиса* характерны: голод, принимающий широкие масштабы; широкомасштабные эпидемии; в конечном итоге гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы; государственное банкротство; потеря административной управляемости; широкомасштабные восстания и гражданские войны; брейкдаун – разрушение государства; внешние войны; разрушение или запустение многих городов; упадок ремесла; упадок торговли; очень высокие цены на хлеб; низкие цены на землю; гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности; социальные реформы, в некоторых случаях принимающие масштабы революции, порождающей этатистскую монархию – автократию, практикующую государственное регулирование и не допускающую развития крупной частной собственности.

Перечисленные здесь явления характерны для соответствующей фазы демографического цикла в том смысле, что из теории вытекает, что они с высокой степенью вероятности должны наблюдаться в этой фазе. Поэтому при анализе истории конкретной страны необходимо проверить, наблюдаются ли в соответствующий период указанные явления. Если они наблюдаются, то появляется возможность объяснить их, исходя из демографически-структурной теории. Если же они не наблюдаются, то причины этой аномалии должны быть проанализированы особо. Большое количество аномалий, естественно, ставит под сомнение вопрос о том, что данный период можно рассматривать как демографический цикл.

²⁷ Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005. С. 218.

Необходимо отметить, что в своем «классическом» виде демографически-структурная теория не акцентирует внимания на различиях в протекании демографического цикла в государствах, имеющих различные формы правления и системы собственности. Между тем очевидно, что этот процесс должен иметь свои особенности в основанных на частном землевладении демократических или олигархических республиках и в этактистских монархиях с преобладанием государственной собственности. Очевидно, что в последнем случае такой типичный для фазы Сжатия процесс, как распространение крупного землевладения, предполагает ослабление этактистской монархии и потерю ее регулирующих функций. И лишь затем, на последних этапах Сжатия, под действием народных движений может проявиться новая этактистская тенденция, направленная на ограничение крупного землевладения. Таким образом, возникает необходимость в уточнении и в большей конкретизации признаков фаз демографического цикла для государств с разными формами собственности. Мы вернемся к этому вопросу при рассмотрении конкретных демографических циклов в последующих главах.

Продолжительность демографического цикла, естественно, зависит от масштабов предшествующей демографической катастрофы и от темпов роста населения. В распоряжении историка имеются лишь немногие данные для того, чтобы оценить темп роста населения в традиционном обществе. По материалам китайских переписей можно, в частности, установить, что в эпоху Тан (650-733 гг.) население росло со скоростью 0,89% в год, а в начале эпохи Цин (1675-1753 гг) со скоростью 0,91%²⁸. Если в результате катастрофы население сократилось вдвое, то для его восстановления при таких темпах роста потребуется примерно 80 лет, а продолжительность демографического цикла (вместе с фазой Сжатия) будет составлять 100-150 лет. Если же в результате предшествующего кризиса население сократилось на 10%, то Сжатие вернется уже через 12 лет. С другой стороны, увеличение потребления в результате сокращения населения на 10% не может быть значительным и будет воспринято народом лишь как небольшое и кратковременное облегчение тягот. Таким образом, было бы естественно рассматривать маломасштабный кризис (голод, эпидемию или войну, уносящую до 10% населения) не как начало нового цикла, а как *промежуточный кризис*, удлиняющий период Сжатия в предшествующем цикле.

Экосоциальный кризис часто вызывает разрушение государства и может стать началом длительного периода социальной нестабильности, в течение которого периодически возобновляющиеся внутренние и внешние войны сопровождаются разрухой, голодом и эпидемиями. Такое состояние посткризисной депрессии препятствует возобновлению роста населения в следующем демографическом цикле, и этот период называют *интерциклом*. П. Турчин на материале Англии, Китая и Римской империи установил наличие тесной статистической связи между коэффициентом естественного прироста и индексом социальной нестабильности²⁹. Таким образом, можно утверждать, что задержка в возобновлении роста населения (несмотря на повышение потребления после кризиса) непосредственно связана с внутренними и внешними войнами, мятежами и восстаниями, которые являются более или менее отдаленными последствиями экосоциального кризиса, нарушившего стабильное состояние государства. В период интерцикла внутреннее развитие уже не определяется демографическим

²⁸ Lee Mabel Ping-hua. The Economic History of China. N. Y., 1921. P. 436.

²⁹ Turchin P. Dynamical Feedbacks between Population Growth and Sociopolitical Instability in Agrarian States // eJournal of Anthropological and Related Sciences. 2005. № 1.

фактором и в значительной мере зависит от случайных обстоятельств протекания военных конфликтов.

В последние годы изучение демографических циклов проводится с широким использованием экономико-математических моделей. Это новое направление исследования представлено в том числе в работах Дж. Комлоса, П. Турчина, А. В. Коротаева, С. В. Циреля, а также в работах автора³⁰. Математическое моделирование помогает, в частности, оценить влияние на ход демографического цикла *кратковременных климатических колебаний*, неурожаев, стихийных бедствий. Оно показывает, что в фазе роста крестьяне имеют достаточные запасы зерна и колебания урожайности в этот период не могут привести к катастрофе. Однако в последующий период перенаселения такие запасы отсутствуют, что делает экономическую систему неустойчивой. В этих условиях большой неурожай, нарушающие хозяйственную жизнь эпидемии или вторжения врагов должны рано или поздно привести к драматическим последствиям³¹. Д. Григг отмечает, что неурожай и пандемии бывали во все времена, но они оказывались катастрофическими лишь в периоды перенаселения, когда население не имело запасов продовольствия и было ослаблено постоянным недоеданием, т. е. случайные факторы лишь усиливали эффект перенаселения³².

Что касается роли долговременных климатических колебаний, необходимо отметить, что одно время имели место попытки объяснить механизм демографического цикла чередованием периодов похолодания и потепления. Автором теории определяющей роль климатического фактора в экономических и демографических процессах является шведский историк Густав Уттерстрем. В 1955 г. Уттерстрем опубликовал обстоятельное исследование³³, в котором пытался доказать, что существовали вековые колебания климата, которые привели к кризисам XIV и XVII вв. Э. Ле Руа Ладюри посвятил опровержению этого тезиса специальную работу³⁴, в которой показал, что катастрофы, пережитые человечеством в Средние века, не связаны с относительным похолоданием. В последнее время появились также и статистические исследования, подкрепляющие аргументацию Э. Ле Руа Ладюри³⁵.

В контексте теории демографических циклов исследуется также роль эпидемий. Известно, что эпидемии поражают прежде всего перенаселенные регионы, где миллионы людей ослаблены недоеданием, а огромные массы бедняков скапливаются в городах (отличающихся своими антисанитарными условиями)³⁶. Глобальная эпидемия вызывает *структурный кризис*: массы людей спасаются бегством из пораженных районов, поля остаются необработанными, следствием чего является голод. С другой стороны, резко падает сбор налогов, казна испытывает финансовый кризис; чиновники, не получая жалования, перестают исполнять свои обязанности или просто оказываются не в состоянии их исполнять. Если эпидемия продолжается недолго, если у населения есть значительные запасы хлеба, а у казны – запасы монеты, то кри-

³⁰ Komlos J., Nefedov S. Compact Macromodel of Pre-Industrial Population Growth // *Historical Methods*. 2002. Vol. 35. № 2. P. 92-94; Nefedov S. A. A model of demographic cycles in a traditional society: the case of Ancient China // *Chinese Journal of Population Science*. 2003. № 3. P. 48-53 (на кит. яз.); Nefedov S. A. A model of demographic cycles in a traditional society // *Social Evolution & History*. 2004. Vol. 3. № 1. P. 69-80; Turchin P. *Historical Dynamics. Why States Rise and Fall*. Princeton and Oxford, 2003; Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. *Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны*. М., 2005; Tsirel S. V On the Possible Reasons for the Hyperexponential Growth of the Earth Population // *Mathematical Modeling of Social and Economic Dynamics*. Moscow: Russian State Social University, 2004. – P. 367-369.

³¹ Нефедов С. А. Концепция демографических циклов... С. 45; Nefedov S. A. A model of demographic cycles in a traditional society... P. 78-79.

³² Grigg D. *Op. cit.* P. 283.

³³ Utterstrom G. Climatic Fluctuations and Population Problems in Early Modern History // *Scandinavian Economic History Review*. 1955, Vol. 3. P. 30-47.

³⁴ Ле Руа Ладюри Э. *История климата с 1000 года*. Л., 1971.

³⁵ Нефедов С. А. Концепция демографических циклов... С. 125-127.

³⁶ Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007. С. 97.

зис преодолит. Но если общество находится в фазе Сжатия, если нет никаких запасов, то большая эпидемия порождает экосоциальный кризис и заканчивается демографической катастрофой.

1.3. РОЛЬ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА. ТЕОРИЯ ВОЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Идея о том, что техника и технология определяют социальную структуру и общественные отношения, высказывалась многими историками и экономистами. Прежде всего речь идет о роли технологических революций и великих, *фундаментальных*, открытий. Фундаментальные открытия – это открытия, позволяющие овладеть новыми ресурсами и возможностями, в современной терминологии – это открытия, *расширяющие экологическую нишу* народа или государства и способствующие увеличению численности населения. Это могут быть достижения в области производства пищи, например domestикация растений, позволяющая увеличить плотность населения в десятки и сотни раз. Это может быть *новое оружие* или новая военная тактика, позволяющие раздвинуть границы обитания за счет соседей. Это могут быть транспортные средства, позволяющие открыть и освоить новые земли. В качестве фундаментальных открытий можно рассматривать также новые технологии, способствующие достижениям в упомянутых выше областях; например, освоение металлургии железа, с одной стороны, позволило создать железные топоры и плуги, облегчившие освоение целины, с другой стороны, сделало возможным появление нового оружия – железных мечей.

Очевидно, что технологический фактор непосредственно влияет на демографическую динамику и социальное развитие общества. С одной стороны, фундаментальные открытия расширяют экологическую нишу, с другой стороны, они могут вызывать трансформации структуры «государство – элита – народ» и вызывать масштабное перераспределение ресурсов между элементами этой структуры.

Обычно отмечают две глобальные общественные трансформации, вызванные аграрной (неолитической) революцией, породившей традиционное общество земледельцев, и промышленной революцией, обусловившей переход от традиционного к индустриальному обществу. Что касается менее значимых трансформаций внутри традиционного общества, то их связывают в основном с военно-техническими достижениями, т. е. с фундаментальными открытиями в военной сфере. В свое время Макс Вебер обратил внимание на то, что появление в Греции вооруженной железными мечами фаланги гоплитов привело к переходу власти в руки состоятельных граждан-землевладельцев³⁷. Аналогичным образом Линн Уайт и Брайан Даунинг объясняют становление феодализма появлением стремени, которое сделало всадника устойчивым в седле и обусловило господство на поле боя тяжеловооруженных рыцарей³⁸.

Отталкиваясь от этих положений, известный востоковед И. М. Дьяконов создал теорию военно-технологического детерминизма, в которой каждая фаза исторического развития характеризуется изменениями в военной технологии³⁹. Согласно этой теории там, где нет металлического оружия, не может быть классового общества, и первые две фазы развития соответствуют бесклассовому первобытному строю. Появление бронзового оружия открывает путь к переходу в третью фазу («ранняя древность») и к созданию примитивного классового общества. Распространение железного оружия вызывает переход к четвертой фазе («имперская древность»). В этой фазе появляются большие империи с регулярным налогообложением и развитой бюрократией. Пятая фаза – это Средневековье, в котором «воин на защищенном панцирем коне, сам закованный в броню... может обеспечить эксплуатацию крестьянина, который

³⁷ Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 2001. С. 228.

³⁸ White L. Medieval Technology and Social Change. Oxford, 1966. P. 1-38; Downing B. The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1992.

³⁹ Дьяконов И. М. Пути истории. М. 1994.

в предшествующую эпоху и поставлял основную массу воинов»⁴⁰. Появление огнестрельного оружия открывает шестую фазу – фазу «стабильно-абсолютистского постсредневековья»⁴¹.

Близкую схему связи между военной техникой и политическим режимом обосновывает известный французский социолог Доминик Кола. На материале Древней Греции и Центральной Африки XVII – XIX вв. он доказывает, в частности что боевые колесницы в собственности государства порождают деспотию, кавалерия, принадлежащая знати, – аристократию или выборную монархию, а огнестрельное оружие – централизованную власть⁴².

Необходимо, однако, отметить, что рассматриваемые здесь соответствия между типом вооружения и политическими режимами не являются жесткими и имеют скорее характер статистической зависимости. Существуют примеры, показывающие, что в отдельных случаях постулируемые связи нарушались. Это в первую очередь касается тезиса Л. Уайт о том, что распространение стремени порождает рыцарство и феодализм. Этот тезис был обоснован на материале Европы, где проблема обеспечения всадников рыцарским вооружением решалась путем предоставления им (на условиях службы) земельных владений-бенефициев. Как было показано исследователями-востоковедами, в Китае государство, располагавшее развитой налоговой системой, предпочитало непосредственно оплачивать наемных кавалеристов из казны, не наделяя их бенефициями. Таким образом, в Китае (за исключением, быть может, маньчжурского периода) не существовало класса рыцарей-землевладельцев, характерного для европейского феодализма⁴³.

Очевидно, последствия распространения тех или иных военно-технических достижений должны рассматриваться для каждой страны конкретно – это и является одной из задач данного исследования.

Наиболее разработанной из теорий технологического детерминизма является созданная Майклом Робертсом⁴⁴ теория военной революции. Эта теория до сих пор мало известна российской исторической общественности, поэтому будет уместно кратко изложить ее основные положения и выводы⁴⁵.

Основная идея М. Робертса состоит в том, что на протяжении последних трех тысячелетий в мире произошло несколько военных революций, каждая из которых была началом нового этапа истории. «Это – историческая банальность, – писал М. Робертс, – что революции в военной технике обычно приводили к широко разветвленным последствиям. Появление конных воинов [точнее, колесничих. – С. Н.]... в середине II тысячелетия до н. э., триумф тяжелой кавалерии, связанный с появлением стремени в IV в. христианской эры, научная революция в вооружениях в наши дни – все эти события признаются большими поворотными пунктами в истории человечества»⁴⁶.

М. Робертс подробно проанализировал лишь одну из военных революций – революцию середины XVII в. Эта революция была связана прежде всего с появлением легкой артиллерии. В прежние времена качество литья было плохим, и это вынуждало делать стенки ствола пушек настолько толстыми, что даже малокалиберные орудия было трудно перевозить по полю боя. Шведский король Густав Адольф (1611-1632 гг.) осознал, какие перспективы открывает улучшение качества литья, и преступил к целенаправленным работам по созданию легкой полевой артиллерии. Эти работы продолжались более десяти лет, и в конце концов в 1629 г.

⁴⁰ Там же. С. 13.

⁴¹ Там же. С. 155.

⁴² Кола Д. Политическая социология. М., 2001. С. 196, 202-207.

⁴³ See: Dien A. The stirrup and its effect on chinese military history // <http://www.silk-road.com/artl/stirrup.shtml>

⁴⁴ Roberts M. Essays in Swedish History. L., 1967.

⁴⁵ Лишь недавно появился краткий обзор иностранной литературы в области теории военной революции: Пенской В. В. Военная революция в Европе XVI – XVII веков и ее последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 194-206.

⁴⁶ Roberts M. Essays... P. 195.

была создана легкая «полковая пушка», *regementsstycke*⁴⁷. Полковую пушку могла везти одна лошадь; два-три солдата могли катить ее по полю боя рядом с шеренгами пехоты и, таким образом, пехота получала постоянную огневую поддержку. Стенки ствола полковой пушки были настолько тонкими, что она не могла стрелять ядрами, секрет *regementsstycke* состоял в том, что это была первая пушка, предназначенная для стрельбы картечью, «гаубица». Благодаря применению специальных патронов полковая пушка обладала невиданной скорострельностью: она делала до шести выстрелов в минуту и буквально засыпала противника картечью⁴⁸. «Это была фундаментальная инновация», – писал М. Робертс⁴⁹.

Полковая пушка стала «оружием победы» шведской армии в Тридцатилетней войне, каждому полку было дано несколько таких пушек. Создание полковой пушки и одновременное появление облегченных мушкетов вызвали революцию в военной тактике и стратегии. Происходит постепенный отказ от плотных боевых построений, «баталий» или «терций», и замена тактики пехотных колонн линейной тактикой⁵⁰.

После изобретения *regementsstycke* в руках Густава Адольфа оказалось новое оружие, но нужно было создать армию, которая смогла бы использовать это оружие. Швеция была маленькой и бедной страной, в 1623 г. доход королевства составлял 1,6 млн рейхсталеров; на эти деньги можно было содержать не более 15 тыс. наемников. Естественный выход из финансовых затруднений состоял в использовании уникального шведского института – всеобщей воинской повинности. Густав Адольф упорядочил несение этой повинности: в армию стали призывать одного из десяти военнообязанных мужчин, и срок службы был установлен в 20 лет⁵¹. В 1626 – 1630 гг. Густав Адольф призвал в войска 50 тыс. рекрутов, таким образом была создана *первая в Европе регулярная армия*. Однако финансовая проблема была решена лишь отчасти. Содержание постоянной армии требовало огромных затрат, и решающим шагом на пути решения финансовой проблемы стало проведение первого в Западной Европе земельного кадастра и введение поземельный налога, т. е. радикальная налоговая реформа. Кроме того, Густав Адольф монополизировал торговлю солью и экспорт хлеба, положил начало практике составления точных бюджетов и начал чеканку медных денег с номинальной стоимостью⁵². Все эти меры означали *резкое перераспределение ресурсов в пользу государства*.

Введение новых налогов вызвало сопротивление шведских сословий, но в 1624 г. Густаву Адольфу удалось преодолеть это сопротивление и добиться вотирования основного налога (*landtagsgard*) на неопределенное время, таким образом, этот налог стал практически постоянным, и его сбор не зависел от согласия риксдага⁵³.

Решение финансовой проблемы позволило Густаву Адольфу дополнить призывные контингенты наемниками и создать невиданную по тем временам 80-тысячную армию, вооруженную полковыми пушками и облегченными мушкетами⁵⁴. Создание регулярной армии породило *волну шведских завоеваний*. В 1630 г. шведские войска высадились в Германии, а год спустя в битве при Брейтенфельде шведские пушки расстреляли армию императора Фердинанда II. К середине XVII в. шведы стали хозяевами Центральной Европы, в своих походах шведские армии достигали южных областей Германии и Польши – и даже Украины.

⁴⁷ Roberts M. Gustavus Adolphus. A History of Sweden. Vol. 2. 1625\6-1632. London, N. Y., Toronto, 1958. P. 232; Нилус А. История материальной части артиллерии. Т. 1. СПб., 1904. С. 142-143.

⁴⁸ Нилус А. Указ. соч. С. 146; Roberts M. Gustavus Adolphus... P. 233.

⁴⁹ Roberts M. Essays... P. 195.

⁵⁰ Roberts M. Gustavus Adolphus... P. 231, 248.

⁵¹ Roberts M. Gustavus Adolphus... P. 64, 210, 238-241; Разин Е. А. История военного искусства. Т. III. СПб., 1994. С. 388, 396.

⁵² Roberts M. Gustavus Adolphus... P. 65, 84, 87.

⁵³ Roberts M. Gustavus Adolphus... P. 67.

⁵⁴ Берендс Э. С. Государственное хозяйство Швеции. Ч. I. СПб., 1890. С. 176, 196, 200.

Громкие победы шведской армии вызвали заимствование шведских военных и социальных инноваций прежде всего в государствах, терпевших поражения в борьбе со Швецией: в германских княжествах (прежде всего в Бранденбурге), в империи Габсбургов, в Дании, в России. Государства, не сумевшие перенять оружие противника, как показывает опыт Польши, в конечном счете ждала гибель. Как полагает Майкл Робертс, военная революция изменила весь ход истории Европы. Появление регулярных армий потребовало увеличения налогов, создания эффективной налоговой системы и сильного бюрократического аппарата. Появление новой армии, новой бюрократии, новой финансовой системы означало огромное усиление центральной власти и становление режима, который Брайан Даунинг называет «*военно-бюрократическим абсолютизмом*»⁵⁵. Нуждаясь в ресурсах, военно-бюрократический абсолютизм перераспределял доходы в свою пользу; при этом ему приходилось преодолевать сопротивление старой знати, которая терпела поражение в этой борьбе и теряла свое политическое значение. Могущество средневековой рыцарской аристократии было основано на средневековой военной технике, на господстве рыцарской кавалерии. Военная революция лишила аристократию ее оружия; новое оружие стало оружием массовых армий, состоявших преимущественно из простолюдинов и руководимых абсолютными монархами. После военной революции дворянству приходится искать свое место в новой армии и в новом обществе, и абсолютизм указывает дворянству его новое положение – положение офицерства регулярной армии. Однако вместе с тем абсолютизм открывает дворянское сословие для офицеров-простолюдинов и вводит «табели о рангах», определяющие порядок выдвижения не по знатности, а по заслугам⁵⁶.

С другой стороны, увеличение налогов означало новые и часто нестерпимые тяготы для населения, вызывало голод, всеобщее недовольство и восстания. Тридцатилетняя война, в ходе которой на поле боя впервые появились массовые армии, потребовала от государств огромного увеличения военных расходов. Монархи оказывались вынужденными увеличивать налоги и нарушать привилегии сословий, что стало причиной Фронды, восстаний в Испании и Италии и других социальных движений, ассоциируемых с так называемым «кризисом XVII века»⁵⁷.

Таким образом, в ходе военной революции, во-первых, происходила *трансформация структуры*: государство превращалось в абсолютную монархию, оно усиливалось включением нового компонента, регулярной армии, прежние элитное рыцарское ополчение теряло свою роль, а элита становилась в подчиненное положение к государству. Во-вторых, происходило масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства и в ущерб элите и народу, что часто приводило к *структурным кризисам*. Мы говорили выше, что демографически-структурная теория часто не может объяснить причины трансформаций структуры и последующих структурных кризисов, теперь мы видим, что по крайней мере часть таких кризисов объясняется через посредство теории военной революции. Таким образом, *теория военной революции представляет собой необходимый дополнительный инструмент при изучении исторического процесса с использованием демографически-структурной теории*.

Во второй половине XX в. теория военной революции стала общепринятым инструментом при анализе социально-экономического развития различных стран Европы в раннее Новое время. Однако, как отмечал М. Робертс, военная революция XVII в. была лишь одной из многих военных революций, и, в принципе, созданная им теория может распространяться и на ранние периоды истории. В контексте этого расширенного применения для нас важно прежде всего то обстоятельство, что теория М. Робертса показывает, что *создание постоянной профессиональной армии, находящейся на государственном содержании, влечет за собой*

⁵⁵ Downing B. The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1992. P. 3.

⁵⁶ Roberts M. Essays in Swedish History... P. 213.

⁵⁷ Roberts M. Essays in Swedish History... P. 203-205; Duffy M., ed., The Military revolution and the state, 1500-1800. Exeter, 1980; Downing B. Op. cit. P. 3, 10-11, 56, 77-78.

трансформацию структуры, масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства и установление самодержавия. Постоянная армия не впервые появилась в XVII в., она существовала в некоторых государствах и ранее, иногда в достаточно отдаленные исторические эпохи. Поэтому, изучая трансформации структуры тех времен, необходимо иметь в виду отмеченные выше тенденции.

1.4. РОЛЬ ФАКТОРА ВНЕШНИХ ВЛИЯНИЙ. ДИФФУЗИОНИЗМ

Как отмечалось выше, внешние влияния могут быть многообразными: это прежде всего войны, торговля и культурное влияние, связанное с диффузией инноваций. Войны могут быть обусловлены перенаселением и недостатком ресурсов, так что внешние влияния оказываются отчасти производными от демографического фактора. С другой стороны, распространение культурных инноваций связано с влиянием технологического фактора.

Процесс заимствования и распространения инноваций традиционно изучается в рамках концепции, именуемой *диффузионизмом*. Изучение диффузии культурных инноваций на основе анализа археологических артефактов – это традиционный «культурно-исторический» подход, распространенный метод работы археологов. «Мы находим некоторые категории остатков, – пишет Гордон Чайлд, – керамику, орудия труда, украшения, виды погребального обряда, формы жилищ, – постоянно встречающиеся вместе. Такой комплекс связанных признаков мы назовем “культурной группой” или просто “культурой”. Мы убеждены, что этот комплекс является материальным выражением того, что мы сегодня назвали бы “народом”»⁵⁸. «Далее, – продолжает известный российский археолог Л. Н. Корякова, – как правило, следует анализ изменений в терминах миграции. Одним из вопросов является вопрос о происхождении нового типа и связанной с ним группы населения. Тщательное изучение керамики на прилегающих территориях может гипотетически определить место ее происхождения и даже направление миграции. В противном случае, если эти аргументы покажутся неподходящими, можно поискать параллели специфическим чертам культурных сочетаний в других местах. Если культурный комплекс не привязывается к какому-либо внешнему источнику, могут быть найдены некоторые связи... с какой-либо другой культурой. Если такие параллели находятся, археолог приведет доводы в пользу диффузии»⁵⁹.

Наиболее четко идеи диффузионизма сформулированы в так называемой «*теории культурных кругов*» – историко-этнологической концепции, весьма популярной в 20-х и 30-х гг. нашего столетия. Как известно, создатель этой концепции Фриц Гребнер считал, что сходные явления в культуре различных народов объясняются происхождением этих явлений из одного центра⁶⁰. Последователи Гребнера полагают, что важнейшие элементы человеческой культуры появляются лишь однажды и лишь в одном месте в результате *фундаментальных открытий* в технике и технологии. Эффект фундаментальных открытий таков, что они дают народу-первооткрывателю решающее преимущество перед другими народами. Используя это преимущество, народ-первооткрыватель подчиняет окружающие народы и передает им свою культуру; таким образом, образуется *культурный круг* – область распространения данного фундаментального открытия и сопутствующих ему культурных элементов. С другой стороны, покоренные народы передают победителям элементы своей культуры, происходит сложный процесс *культурного и социального синтеза*, иногда прерываемый периодами *традиционалистской реакции*.

Таким образом, фактор внешних влияний в диффузионистской теории является производным от технологического фактора, по существу, эта теория описывает механизм влияния фундаментальных открытий на жизнь человеческого общества.

Как отмечалось выше, фундаментальные открытия, как правило, совершаются один раз и в одном месте. Теоретически, конечно, возможно, что фундаментальное открытие, породив-

⁵⁸ Цит. по: Корякова Л. Н. Археология раннего железного века Евразии. Екатеринбург. 2000.

⁵⁹ Корякова Л. Н. Указ. соч.

⁶⁰ Graebner F. Methode der Ethnologie. Heidelberg. 1911.

шее данный культурный круг, будет конвергентно повторено в другом месте, но в реальности вероятность такого события близка к нулю: быстрота распространения информации об открытии не оставляет времени для его независимого повторения. В традиционном обществе чаще всего в роли фундаментального открытия выступает новое оружие, которое порождает волну завоеваний. Распространение волны завоеваний связано с *демографическими катастрофами*; нашествие обрывает демографические циклы в завоеванных государствах, и *социальный синтез* происходит в фазе роста нового цикла.

Классическим примером волны завоеваний являются завоевания Александра Македонского, приведшие к образованию того культурного круга, который называют эллинистической цивилизацией. Можно перечислить многие элементы определявшего эту цивилизацию культурного комплекса, в этот комплекс входят стандартные образцы греческой архитектуры, такие как храмы, палестры и гимнасии, греческая керамика, монеты с греческими надписями, греческая одежда, характерные черты социальной организации полисов и клерухий и т. д. Однако главный элемент этого культурного круга, фундаментальное открытие, обусловившее его быстрое расширение, – это македонская фаланга; именно фаланга одерживала победы, прославившие Александра⁶¹. Именно создание македонской фаланги выдвинуло на арену истории до того мало кому известный горный народ, македонян. Овладев культурными областями Греции, македоняне затем распространили греческую культуру по всему Ближнему Востоку, но, с другой стороны, в процессе социального синтеза завоеватели перенимали традиции покоренных народов, и это проявилось прежде всего в подражании Александра персидским царям. Перенимание персидских порядков вызвало в окружении царя *традиционалистскую реакцию*, а после смерти Александра – политический кризис и долгие войны диадохов. В конечном счете войны привели к масштабной демографической катастрофе и гибели значительной части населения Передней Азии.

Главным признанием могущества македонской фаланги было перенимание этого открытия противниками македонян, в частности Спартой⁶². Фундаментальное открытие – в данном случае новое оружие – дает его обладателям решающее преимущество, и, чтобы устоять перед их натиском, окружающие народы вынуждены поспешно перенимать это оружие. *Именно это обстоятельство – перенимание оружия противника – является свидетельством фундаментального характера данной военной инновации*. Вместе с тем это перенимание является главной составляющей механизма диффузии: вслед за перениманием нового оружия перенимается тактика его использования и военная организация, которая часто является частью социальной организации (например, система клерухий или поместная система). В большинстве случаев перенимаются и сопровождающие фундаментальное открытие культурные элементы, такие как политические институты, одежда, обычаи и т. д., но формально это перенимание уже не является необходимым, и глубина этих заимствований свидетельствует о силе того давления, которое оказывает на соседей народ-первооткрыватель. *Перед волной завоеваний движется волна диффузии*; заимствуя новые культурные элементы, окружающие народы присоединяются к новому культурному кругу.

На дальних рубежах культурного круга заимствование может ограничиваться перенесением одного, главного, культурного элемента. В случае когда через множество посредников заимствуется лишь идея фундаментального открытия, например идея земледелия, установить факт диффузии археологически невозможно. Это привело, в частности, к тому, что многие археологи и этнографы придерживаются теории о самопроизвольной, независимой domestикации растений в различных культурных центрах⁶³. При этом не учитывается то обстоятельство,

⁶¹ Conolly P. Greece and Rome at War. L., 1981. P. 73.

⁶² Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. III. М., 1964. С. 93.

⁶³ См., например: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 248-264.

что, как отмечалось выше, процесс диффузии идеи был относительно быстротечным. Например, диффузия металлургии железа с Ближнего Востока в Китай заняла около 200-300 лет, притом что речь идет о переносе не просто идеи, но сложного технологического процесса, подразумевающего перенимание технических навыков. По аналогии можно утверждать, что даже отдаленные племена Евразии должны были узнать о возможности domestikации растений через какие-нибудь два-три-четыре столетия, и времени на «самостоятельное» фундаментальное открытие было отпущено очень мало.

Таким образом, культурно-историческая школа представляет историю как динамичную картину распространения культурных кругов, порождаемых происходящими в разных странах фундаментальными открытиями. История отдельной страны в рамках этой концепции может быть представлена как история адаптации к набегающим с разных сторон культурным кругам, как история трансформации общества под воздействием внешних факторов, таких как нашествие, военная угроза или культурное влияние могущественных соседей. В исторической науке такие трансформации применительно к конкретным случаям обозначаются как эллинизация, романизация, исламизация, вестернизация и т. д.

Для темы нашего исследования чрезвычайно важно то обстоятельство, что трансформация общества под воздействием диффузионной волны представляет собой трансформацию структуры «государство – элита – народ» и сопровождается перераспределением ресурсов в рамках этой структуры. Таким образом, некоторые трансформации структуры, необъяснимые с позиций демографически-структурной теории, могут быть объяснены через внешние диффузионные влияния.

Созданная почти столетие назад, теория культурных кругов прошла длительный путь развития; одно время она подвергалась критике, но затем авторитет теории был в целом восстановлен, и она до сих пор эффективно применяется как в археологии и этнографии, так и в исторической науке. Огромный вклад в распространение теории диффузионизма в отечественной науке принадлежит фундаментальным работам одного из ведущих российских востоковедов Л. С. Васильева⁶⁴. В настоящее время регулярно проводятся конференции, посвященные анализу процесса диффузии – прежде всего в области вооружения – на обширных пространствах Евразии⁶⁵.

Классическим изложением истории человечества с позиций диффузионизма является известная монография Уильяма Мак-Нила «Восхождение Запада»⁶⁶. Важно отметить, что У Мак-Нил говорит о тех же военно-технических открытиях, что и М. Робертс: об изобретении боевой колесницы в середине II тысячелетия до н. э., о появлении стремян в IV в. н. э. и т. д., – и описывает вызванные этими военными революциями последствия и распространение порожденных ими волн завоеваний. Однако в «Восхождении Запада» У Мак-Нил уделяет основное внимание процессу распространения инноваций и не объясняет, почему те или иные открытия в военной или производственной сфере повлекли определенные изменения в сфере социальной и политической. В более поздней монографии, «Стремление к мощи»⁶⁷, У Мак-Нил касается этого вопроса более подробно, описывая военную революцию XVI – XVII вв. и ссылаясь на исследования М. Робертса, Г Паркера и других теоретиков военной революции. Таким образом, мы видим, что диффузионизм в версии У Мак-Нила включает в себя теорию военной революции. Более того, при рассмотрении социально-экономических кризисов XVII и конца XVIII вв. У. Мак-Нил использует элементы неомальтузианского подхода и

⁶⁴ См.: Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М. 1976.

⁶⁵ См., например: Борисенко, А. Ю.; Худяков, Ю. С. Оружие и защитное вооружение как индикатор культурного обмена степей и античного мира // Восток = Oriens, 2004. № 3. С. 155-157.

⁶⁶ McNeill W. The rise of the West: a history of the human community. New York, 1963. Русский перевод: Мак-Нил У Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев – Москва, 2003.

⁶⁷ McNeill W. The pursuit of power : technology, armed force, and society since A. D. 1000. Oxford, 1983.

ссылается на Ф. Броделя⁶⁸. Хотя этому сюжету в книге У Мак-Нила посвящено лишь несколько страниц, он имеет принципиальное значение, так как содержит идею анализа исторического процесса как результата взаимодействия демографического и технического факторов и, соответственно, идею *теоретического синтеза неомальтузианства и диффузионизма*. Идея совместного использования демографически-структурной теории и теории военной революции – в приложении к конкретному случаю, истории России XVI в. – высказывалась также известным американским историком Ч. Даннингом⁶⁹.

Таким образом, мы можем говорить о становлении новой концепции развития человеческого общества. В этой концепции внутреннее развитие описывается с помощью демографически-структурной теории, однако на демографические циклы иногда накладываются волны завоеваний, порожденных совершенными в той или иной стране фундаментальными открытиями. За этими завоеваниями следуют демографические катастрофы, социальный синтез и трансформация структуры, в ходе которой рождается новое общество и новое государство. Характеристики новой структуры «государство – элита – народ» зависят от тех исходных компонентов, которые участвуют в социальном синтезе, от того, какими были общество завоеванных и общество завоевателей. В истории Востока в роли завоевателей обычно выступали кочевники, обитатели степей Евразии, а роль покоренных народов доставалась земледельцам. Земледельцы и кочевники представляли собой два разных хозяйственных типа, их обычаи и социальные отношения определялись прежде всего различными условиями природной среды, географическим фактором. Поэтому для того, чтобы понять механизм социального синтеза, необходимо кратко проанализировать, каким образом географический фактор (вместе с другими факторами) формировал общество земледельцев и общество кочевников.

⁶⁸ Ibid. P. 102, 143.

⁶⁹ Dunning Ch. The Preconditions of Modern Russia's First Civil War // Russian History. 1998. Vol. 25, Nos. 1-2. P. 123-125.

1.5. ФОРМИРОВАНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Доместикация растений явилась великим достижением человечества, намного расширившим его экологическую нишу, – по определению Гордона Чайлда, это была «неолитическая революция»⁷⁰. Неолитическая революция началась в X тысячелетии до н. э. на Ближнем Востоке, в регионе, где распространены дикорастущие пшеница и ячмень и первобытные общины издавна занимались собирательством съедобных злаков. В контексте диффузионистской теории доместикация растений рассматривается как *фундаментальное открытие*, кардинальным образом изменившее жизнь людей. Прежде всего она имела огромные демографические последствия. По некоторым оценкам, в эпоху мезолита средняя плотность населения равнялась 0,04 чел./км², а в эпоху раннего земледелия она увеличилась до 1 чел./км² – это означает, что лишь на первом этапе неолитической революции емкость экологической ниши увеличилась в десятки раз. В отдельных областях наблюдался еще более значительный рост плотности населения: в Юго-Западном Иране с 0,1 до 2 чел./км², в Восточном Средиземноморье с 0,1 до 1,5–10 чел./км²⁷¹.

Оценки археологов подтверждаются данными этнографии: в то время как у охотников и собирателей плотность населения редко превышает 0,2 чел./км², плотность населения в областях распространения переложного земледелия в Африке, Азии и Америке составляет в среднем около 9 чел./км². На следующем этапе неолитической революции, когда на смену подсечно-переложному земледелию приходят плужное земледелие и ирригация, плотность населения достигает 100 и более человек на квадратный километр⁷².

Рост численности населения наглядно проявился в увеличении размеров общин. Численность общин охотников и собирателей редко превышала 50 человек, наиболее типичной была община в два-три десятка членов. По имеющимся оценкам, средняя численность населения неолитического поселка составляла на Ближнем Востоке 100–300 человек; сходные цифры дают и этнографические источники⁷³.

Образ жизни различных племен, занимавшихся подсечно-огневым земледелием, был весьма схожим. Так же как охотники, ранние земледельцы жили родовыми общинами, состоявшими из родственных семей. Мужчины все вместе расчищали участки земли, причем поскольку земля быстро истощалась, то процесс расчистки новых участков был практически постоянным; старые участки забрасывались, и община переходила на новые поля – эта система раннего земледелия называется подсечно-огневой или переложной. Расчищенные участки делили на семейные наделы, на которых хозяйствовали женщины; урожай считался собственностью семьи, но определенная его часть поступала в распоряжение рода. Важнейшие дела общины решались на сходках мужчин; вожди, как правило, пользовались лишь слабой властью и не имели привилегий. Такого рода общественные отношения имели место у индейцев Амазонии, папуасов Новой Гвинеи, даяков Калимантана, таи и сенои Суматры, ирокезов Северной Америки и многих других архаических племен⁷⁴.

⁷⁰ Childe V. G. *Man Makes Himself*. L., 1941.

⁷¹ Козинцев А. Г. Переход к земледелию и экология человека // *Ранние земледельцы*. Л., 1980. С. 18, 38.

⁷² Там же. С. 19.

⁷³ Козинцев А. Г. *Указ. соч.* С. 20.

⁷⁴ Файнберг Л. А. *Индейцы Бразилии*. М., 1975. С. 8–10; Бутинов Н. А. *Папуасы Новой Гвинеи*. М., 1968. С. 116–119; Бутинов Н. А. *Общинно-родовой строй мотыжных земледельцев* // *Ранние земледельцы*. М., 1980. С. 116, 125; Марков Г. Е. *История хозяйства и материальной культуры*. М., 1979. С. 198–217; *История первобытного общества*... С. 356.

Как отмечают исследователи, ранние земледельцы сохранили свойственный охотникам общинный коллективизм и относительно равномерное распределение пищи⁷⁵. Это было связано прежде всего с необходимостью объединения усилий всей общины для расчистки новых участков земли: при отсутствии железных орудий труда одиночка был не в состоянии справиться с этой тяжелой работой⁷⁶.

Считается, что от начала неолитической революции до появления первых государств прошло около пяти тысяч лет. За этот период плотность населения на Ближнем Востоке возросла с 0,05-0,07 до 10 чел./км², т. е. в 150-200 раз⁷⁷. Постепенно в некоторых общинах стала ощущаться нехватка земли, вызвавшая переход от раннего земледелия к развитому, при котором хозяйство велось на постоянных участках, а плодородие почв поддерживалось с помощью ирригации, паров и удобрений. Другим следствием нехватки земли стало расселение земледельцев на восток, в Иран и Среднюю Азию, и на запад, в Европу⁷⁸. Это была порожденная фундаментальным открытием *миграционная волна*. В VII тысячелетии земледельцы появились на Балканах, в VI тысячелетии в долинах Дуная, Инда и Ганга, а к концу V тысячелетия – в Испании и Китае. Охотничьи племена, прежние обитатели этих территорий, либо истреблялись, либо вытеснялись пришельцами, либо в процессе социального синтеза перенимали их культуру.

Вслед за неолитической революцией последовало еще несколько фундаментальных культурных инноваций; к их числу относятся появление керамики (и гончарного круга), колесной повозки, металлургии бронзы и письменности. В VI тысячелетии в Месопотамии впервые стали строить плотины и рыть небольшие оросительные каналы – это означало переход к ирригационному земледелию⁷⁹. В V тысячелетии археологи дважды отмечают резкую смену культурных традиций населения Двуречья – несомненно, в результате войн и массовых миграций⁸⁰. Наконец, в IV тысячелетии появляются богатые гробницы знати – свидетельство происходящей социальной стратификации, появления неравенства и зарождения государства⁸¹.

Проблема появления государства и частной собственности является одним из наиболее важных вопросов истории человеческого общества, и дискуссия по этому вопросу продолжается уже много десятилетий⁸². Большинство исследователей объясняют возникновение частной собственности и государства совокупным действием нескольких факторов, рассматриваемых в постоянном взаимодействии⁸³. Например, Л. С. Васильев рассматривает систему взаимодействия трех факторов: экологического, производственного и демографического. Экологический фактор – это благоприятные условия природной среды, в частности плодородие почв, климатический режим и возможность ирригации. Производственный фактор – это навыки и технологии, необходимые для освоения природных ресурсов, в частности ирригационные технологии, а также наличие соответствующих орудий труда (плуг, железный топор и т. д.)⁸⁴. Таким

⁷⁵ Кабо В. Р. Указ. соч. С. 70; Файнберг Л. А. Указ. соч. С. 8–11; Решетов А. М. Основные хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев // Ранние земледельцы. Л., 1980. С. 39.

⁷⁶ Бахта В. М. Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. С. 283.

⁷⁷ Массон В. М. Первые цивилизации. Л., 1989. С. 47.

⁷⁸ Там же. С. 69; Козинцев А. Г. Указ. соч. С. 20.

⁷⁹ История Древнего Востока... С. 68.

⁸⁰ Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982. С. 121.

⁸¹ История Древнего Востока... С. 90.

⁸² См., например: История первобытного общества...; Adams R.Nc. The Evolution of Urban Society. Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. Chicago, 1966; Fried M. H. The Evolution of Political Society. N. Y., 1967; Service E. R. Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution. N. Y., 1975.

⁸³ История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988. С. 9; Хазанов А. М. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 126.

⁸⁴ Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983. С. 25-27; Carneiro R. L. Political Expansion as an

образом, выделяемые Л. С. Васильевым факторы в нашей терминологии обозначаются как географический, технологический и демографический. Некоторые другие авторы говорят о необходимости учета помимо того фактора внешних влияний⁸⁵.

Благодаря большой работе, проделанной группой американских исследователей во главе с Дж. Мердоком, в настоящее время существует база данных, позволяющая проверить наличие зависимости между некоторыми действующими факторами и уровнями государственности и социальной стратификации с помощью методов математической статистики⁸⁶. Такое исследование было проведено А. В. Коротаевым и Н.Н. Крадиным⁸⁷. Уровень государственности при этом определялся по двум показателям: уровню политической интеграции (самый высокий – централизованное государство, разделенное на области и районы) и развитию аппарата принуждения; уровень социальной стратификации оценивался по числу существующих страт или классов.

В ходе этого исследования было установлено, что главными предпосылками для появления классов и государства являются переход к развитому земледелию и достижение благодаря этому определенного порога плотности населения. Но при этом важную роль играют дополнительные условия: наличие технологии хранения зерна (например, керамических сосудов), металлургии бронзы, колесных транспортных средств и письменности⁸⁸. Таким образом, появление классов и государства является результатом совокупного действия технологического, географического и демографического факторов.

«В целом механизм воздействия хозяйственного развития на социальную эволюцию... может быть описан приблизительно следующим образом, – указывает А. В. Коротаев. – Возрастание производительности земли ведет к увеличению плотности населения и возрастанию размеров общин, что в свою очередь приводит к возрастанию плотности социальных связей, усложнению общественных отношений и постепенно создает все большую необходимость появления все более сложных социальных институтов для их регулирования. Сокращается расстояние между общинами, усложняются межобщинные отношения, учащаются столкновения между ними, меняется характер подобных столкновений»⁸⁹. Этот вывод согласуется с завоевавшей большой авторитет теорией происхождения государства Р. Карнейро. Р. Карнейро показывает, что рост плотности населения в условиях ограниченности ресурсов (например, в земледельческих районах, ограниченных горами и пустынями) ведет к *повышению демографического давления* и к войнам между общинами. В результате завоевания одной общины другой, с одной стороны, росла социальная стратификация, а с другой стороны, появлялась необходимость в классе управляющих, собирающих дань (или налоги) с покоренного населения, – таким образом возникали первые государства⁹⁰.

Как известно, демографическое давление – это отношение реальной плотности населения к максимально возможной; таким образом, чем больше демографическое давление, тем больше плотность населения. Это обстоятельство позволяет переформулировать полученные результаты следующим образом: *повышение демографического давления в земледельче-*

Expression of the Principle of Competitive Exclusion // *Origins of the State*. Philadelphia, 1978. P. 207.

⁸⁵ Гринин Л. Е. Эпоха формирования государства. М., 2007. С. 104; Крадин Н. Н. Политическая антропология М., 2001. С. 143.

⁸⁶ Murdock G. P. *Atlas of World Culture*. Pittsburgh, 1981.

⁸⁷ Коротаев А. В. Некоторые экономические предпосылки классовобразования и политогенеза // *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития*. М., 1991. С. 136-191; Крадин Н. Н. Археологические признаки цивилизации // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Волгоград, 2006. С. 184-210.

⁸⁸ Коротаев А. В. Указ. соч. С. 139–155, 174; Крадин Н. Н. Указ. соч. 195-196, 201.

⁸⁹ Коротаев А. В. Указ. соч. С. 155.

⁹⁰ Carneiro R. L. A Theory of the Origin of the State // *Science*. 1970. Vol. 21. № 169. P. 733-738. Русский перевод см.: Карнейро Р. Л. Теория происхождения государства // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Волгоград, 2006. С. 55-71.

ском обществе при необходимом развитии технологии и благоприятных природных условиях приводит к возникновению государственности и социальному расслоению. С экологической точки зрения это явление, очевидно, следует рассматривать как результат адаптации человеческого общества к новой, земледельческой, экосистеме. Поначалу, когда перешедшие к земледелию племена жили в условиях относительного благополучия и уровень давления был невысок, бывшие охотники и собиратели не считали нужным менять свои старые обычаи. Затем, когда новая экологическая ниша стала заполняться и уровень давления поднялся, появилась нехватка земли и стали приходить годы голода. Как указывают специалисты-этнографы⁹¹, именно нехватка земли побуждает общинников делить общинные земли на семейные наделы, постепенно переходящие в частную собственность. Специалисты-археологи подтверждают выводы этнографов. «Археологические данные подтверждают идею о том, что эгалитарное государство предшествовало неэгалитарному и последнее возникло как результат адаптации в условиях демографического давления на обрабатываемую землю», – заключают известные археологи Р. Шедел и Д. Робинсон⁹².

Необходимо отметить, что характеристики экологической ниши были различными не только для земледельцев и охотников, но и для различных групп земледельцев. Это обстоятельство связано в первую очередь с различием условий переложного и ирригационного земледелия. Экологические условия лесного переложного земледелия долгое время способствовали сохранению старинных традиций коллективизма прежде всего потому, что расчистка нового участка была возможна только при объединении усилий всей общины. Положение изменилось лишь с новой технологической революцией, с появлением железных орудий, которые, с одной стороны, позволили делать индивидуальные заимки, а с другой стороны, значительно увеличили масштабы расчисток⁹³. Тем не менее процессы развития государственности в зоне переложного, а затем пашенного земледелия значительно отставали от аналогичных процессов в областях развития ирригации.

Долины великих рек значительно отличались своими экологическими характеристиками от покрытых лесом равнин Евразии. Здесь была возможна ирригация, и плодородные почвы давали очень высокие урожаи – иногда два урожая в год. Плотность населения в «гидравлических обществах» была на порядок выше, чем в суходольных регионах, и зачастую превосходила 100 чел./км²⁹⁴. Маленькие общины земледельцев разрастались здесь до размеров городков и городов, и возникала естественная потребность поддержания порядка среди многочисленного населения – в результате появлялись специальные органы общинного управления. Для строительства плотин и каналов было необходимо организовать коллективный труд сотен людей, и это также стимулировало развитие государственности⁹⁵. С другой стороны, ирригационное земледелие не требовало объединения усилий общины для расчистки земли, что открывало путь для развития частной собственности.

В конечном счете повышение демографического давления привело к формированию так называемого *раннего государства*. Создатели концепции раннего государства Х. Классен и П. Скальник описывают это государство как «централизованную социополитическую организацию для регулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе, разделенном по крайней мере на два основных страта, или социальных класса: на управителей и управляемых, отношения между которыми характеризуются политическим господством

⁹¹ См., например: Маретина С. А. Община у горных народов Ассама // Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1967, С. 15.

⁹² Шедел Р., Робинсон Д. Становление государства в доколумбовой Америке // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 168.

⁹³ Бутинов Н. А. Папуасы Новой Гвинеи... С. 88; Хазанов А. М. Классообразование... С. 136.

⁹⁴ Козинцев А. Г. Указ. соч. С. 19.

⁹⁵ Wittfogel E. A. Op. cit.

первых и данническими обязанностями вторых; законность этих отношений освящена единой идеологией, основной принцип которой составляет взаимный обмен услугами»⁹⁶. По Классену и Скальнику, для типичного раннего государства характерно: 1) сохранение клановых связей при некотором развитии внеклановых отношений в управляющей подсистеме; 2) источником существования должностных лиц являются как кормления за счет вверенных подданных, так и жалование из центра; 3) наличие письменно зафиксированных законов; 4) специальный аппарат судей; 5) точно установленный характер изъятия прибавочного продукта управителями; 6) наличие специальных чиновников и аппарата принуждения⁹⁷.

На территории Старого Света первые ранние государства появились в районах ирригационного земледелия – в долинах великих рек. Вторичные государства возникали по соседству под влиянием уже сформировавшихся первичных государств⁹⁸. Иногда это происходило в результате завоевания первичными государствами «варварской периферии» и непосредственного насаждения там государственных институтов. Впоследствии, с ослаблением государства-гегемона, эти периферийные области отделялись, и новые государства вступали на путь самостоятельного развития. Иногда государственность заимствовалась диффузионным путем как результат культурного влияния первых государств на периферию. Таким образом, идея государства распространялась так же, как фундаментальные открытия в технической сфере.

⁹⁶ The Early State / Eds. Classen H. J.M., Skalnik P. The Hague, 1978. P. 640. Цит. по: Крадин Н. Н. Политическая антропология. М., 2001. С. 143.

⁹⁷ Цит. по: Крадин Н. Н. Указ. соч. С. 133, 142.

⁹⁸ Крадин Н. Н. Указ. соч. С. 143-144.

1.6. ФОРМИРОВАНИЕ КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА

В настоящее время большинство специалистов считает, что скотоводство появилось в одно время или немного позже, чем земледелие⁹⁹. Имея излишки пищи, земледельцы получили возможность вскармливать детенышей убитых на охоте животных, таким образом происходило постепенное одомашнивание. В IX – VIII тысячелетиях до н. э. на Ближнем Востоке были одомашнены козы и овцы, несколько позже – крупный рогатый скот¹⁰⁰. Расселяясь на новые территории, земледельческие племена приносили с собой навыки комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства; в IV – III тысячелетиях до н. э. земледельческие поселения распространились на обширные пространства Северного Причерноморья и Прикаспия. На этих степных просторах обитали дикие лошади, тарпаны, которые вскоре были приручены населением этих мест¹⁰¹. В Прикаспии и в теперешнем Казахстане лишь немногие земли были доступны для обработки мотыгой, и земледельцы селились на плодородных участках в поймах немногочисленных рек¹⁰². Однако окружающие степи представляли собой изобильные пастбища, на которых паслись большие стада скота, так что в хозяйстве местного населения явственно преобладало скотоводство. На одном квадратном километре ковыльно-разнотравной степи можно было прикормить 6-7 коней или быков¹⁰³, а для прокормления одной семьи из 5 человек требовалось стадо примерно в 25 голов крупного скота¹⁰⁴, следовательно, плотность скотоводческого населения в степи могла достигать 1,3 чел./ км². Эта цифра близка к оценке Ратцеля – 0,7-1,9 чел./км²; расчеты О. Г. Большакова для степей Аравии дают 1,6-1,9 чел./км²¹⁰⁵. Таким образом, плотность скотоводческого населения превосходит максимальную плотность для охотников и собирателей, но она в 5–10 раз меньше, чем у мотыжных земледельцев, и в сотни раз меньше, чем у земледельцев, использующих ирригацию. Экологическая ниша скотоводов очень узка, и перенаселение наступает достаточно быстро. По данным археологов, во II тысячелетии до н. э. происходило быстрое расселение скотоводов на восток, вплоть до Маньчжурии; к XIII в. степи были в основном заселены, и возможности оседлого скотоводства оказались исчерпанными¹⁰⁶.

Решающим толчком, обусловившим переход от оседлого к кочевому скотоводству, было создание усовершенствованного уздечного набора (с мартингалом и оголовьем) в начале I тысячелетия до н. э. После освоения этой фундаментальной инновации наездничество перестало быть искусством немногих джигитов – оно стало доступно всем, и все мужчины сели на коней¹⁰⁷. Это открыло возможность освоения дальних пастбищ, и жители степей стали кочевать вместе со своими стадами. Кочевники Средней Азии обычно зимовали в районах южнее Сырдарьи, а летом перегоняли свои стада за полторы-две тысячи километров на богатые пастбища Северного Казахстана (из-за сурового климата эти пастбища не могли использоваться зимой)¹⁰⁸. Кочевание помогло освоить северные степи и горные луга, однако оно потребовало

⁹⁹ Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. М., 1989. С. 30; Кунов Г. Указ. соч. С. 428.

¹⁰⁰ Шнирельман В. А. Указ. соч. С. 57, 64.

¹⁰¹ Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 28; Ковалевская В. Б. Конь и всадник. М., 1977. С. 19.

¹⁰² Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение идоиранцев. М., 1994. С. 195, 199.

¹⁰³ Мордкович В. Г. Степные экосистемы. М., 1982. С. 167.

¹⁰⁴ Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. С. 21.

¹⁰⁵ Ratzel F. Anthropogeographie, В. II. Stuttgart, 1922. S. 173; Большаков О. Г. История халифата. Т. 1. М., 1989. С. 33.

¹⁰⁶ Кузьмина Е. Е. Указ. соч. С. 205.

¹⁰⁷ Ковалевская В. Б. Указ. соч. С. 115; Смирнов А. П. Скифы. М., 1966. С. 13.

¹⁰⁸ Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Алма-Ата, 1971. С. 497-498.

смены образа жизни: «С переходом к кочевому скотоводству резко изменился облик степей. Исчезли многочисленные поселки, наземные и углубленные в землю жилища бронзового века, жизнь теперь проходила в повозках, в постоянном движении людей вместе со стадами от одного пастбища к другому»¹⁰⁹. Женщины и дети ехали в поставленных на колеса кибитках, но были племена, где на коней сели и женщины; Геродот передает, что у савроматов женщины «вместе с мужьями и даже без них верхом выезжают на охоту, выступают в поход и носят одинаковую одежду с мужчинами»¹¹⁰. Археологи свидетельствуют, что в могилы женщин, так же как в могилы мужчин, часто клали уздечку – символ всадника¹¹¹.

Возникновение кочевничества сопровождалось появлением кавалерии и вспышкой войн¹¹². «В поисках новых пастбищ и добычи скотоводы захватывали в сферу своего влияния... все новые группы населения, – пишет Г. Е. Марков. – Мог развернуться своего рода “цепной процесс” распространения кочевничества»¹¹³. Действительно, после VIII в. до н. э. на всем протяжении Великой степи – от Дуная до Хингана – утверждается единая культура, говорящая о господстве в степи группы родственных кочевых народов. Эти народы – скифы, сарматы, саки – были древними индоиранцами, ариями¹¹⁴.

Кочевничество позволило освоить новые пастбища, но плотность населения в степи оставалась низкой, к примеру, даже в конце XIX в. в Тургайской области Казахстана она не превосходила 1,9 чел./км²¹¹⁵. При этом имеются сведения, что на протяжении последних двух тысячелетий численность кочевых народов не возростала. Как отмечает А. М. Хазанов, численность хунну, живших на территории современной Монголии, и количество скота у них почти полностью совпадает с теми цифрами, которые имеются для монголов начала XX в.¹¹⁶. Экологическая ниша скотоводов была очень узкой, и голод был постоянным явлением. Китайские хроники пестрят сообщениями о голоде среди кочевников: «В том же году в землях сюнну был голод, от него из каждого десятка населения умерло 6-7 человек, а из каждого десятка скота пало 6-7 голов... Сюнну несколько лет страдали от засухи и саранчи, земля на несколько тысяч ли лежала голая, люди и скот голодали и болели, большинство из них умерли или пали... Был голод, вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости, свирепствовали повальные болезни, от которых великое множество людей померло...»¹¹⁷. Арабские писатели сообщают о частом голоде среди татар; имеются сообщения о том, что в годы голода кочевники ели падаль, продавали в рабство своих детей¹¹⁸. Недостаток средств существования породил обычай жертвоприношения стариков у массагетов¹¹⁹; у некоторых племен было принято умерщвлять вдов, грудных детей убивали и погребали вместе с умершей матерью¹²⁰. В условиях полуголодного существования бедуины Аравии зачастую убивали новорожденных девочек¹²¹. Приводимые В. П. Алексеевым данные о степных могильниках II тысячелетия до н. э. (Тасты-Бутак, Хрящевка-Ягодное, Карасук III) говорят об очень высоком уровне детской смертности; средняя

¹⁰⁹ Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 5.

¹¹⁰ Нег, IV, 116.

¹¹¹ Степи европейской части СССР... С. 70, 169.

¹¹² Степи европейской части СССР... С. 5.

¹¹³ Марков Г. Е. Указ. соч. С. 31.

¹¹⁴ Археология СССР. М., 1982. С. 118–119.

¹¹⁵ Алексеев Н. В. Население дореволюционного Казахстана. А.-А., 1981. С. 80.

¹¹⁶ Хазанов А. М. Указ. соч. С. 265.

¹¹⁷ Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М., 1973. С. 29, 70; Бичурин И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М. – Л., 1950. С. 236.

¹¹⁸ Хазанов А. М. Указ. соч. С. 149.

¹¹⁹ Нег, I, 216.

¹²⁰ Эрдели И. Авары // Исчезнувшие народы. М., 1988. С. 104.

¹²¹ Большаков О. Г. Указ. соч. С. 42.

продолжительность жизни взрослых составляла 34 года¹²². В более позднюю эпоху, у средневековых кочевников, авар, средняя продолжительность жизни составляла 38 лет для мужчин и 36 лет для женщин¹²³.

Образ жизни кочевников определялся не только ограниченностью ресурсов кочевого хозяйства, но и его неустойчивостью. Экологические условия степей были изменчивыми, благоприятные годы сменялись засухами и джутами. В среднеазиатских степях джут случался раз в 7–11 лет, снежный буран или гололед приводили к массовому падежу скота, в иной год гибло больше половины поголовья¹²⁴. Гибель скота означала страшный голод, климатический стресс; кочевникам не оставалось ничего иного, как умирать или идти в набег, – по замечанию Н. Н. Крадина, корреляция между климатическими стрессами и набегами «прослеживается чуть ли не с математической точностью»¹²⁵.

Регулярные климатические стрессы порождали в степи обстановку вечной и всеобщей войны, эта война называлась у казахов барымтой¹²⁶. «Благосостояние кочевников определялось исключительно силой того или иного казахского рода, – отмечает А. А. Кауфман, – оно поддерживалось хищничеством, барымтой и выпадало на долю родов, военно-разбойничья организация которых была наиболее развитой»¹²⁷. Кочевники закалялись в борьбе со стихией и в постоянных столкновениях друг с другом. В каждом роду имелся наездник, отличавшийся храбростью и физической силой; постоянно проявляя себя в схватках, он постепенно становился батыром, богатырем. Батыры возглавляли роды в сражениях, они были главными героями казахского эпоса¹²⁸. «Молодых и крепких уважают, – говорит китайский историк о гуннах, – старых и слабых почитают мало... Сильные едят жирное и лучшее, старики питаются после них... Кто в сражении отрубил голову неприятеля, тот получает в награду кубок вина и все захваченное в добычу»¹²⁹. «Счастливыми из них считаются те, кто умирает в бою, – говорит Аммиан Марцеллин об аланах, – а те, кто доживает до старости и умирает естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы»¹³⁰. Культ войны нашел проявление в поклонении мечу, Геродот сообщает о поклонении мечу у скифов, Аммиан Марцеллин – у аланов¹³¹.

В бесконечных сражениях выживали лишь самые сильные и смелые, таким образом кочевники подвергались естественному отбору, закреплявшему такие качества, как физическая сила, выносливость, агрессивность. Древние и средневековые авторы неоднократно отмечали физическое превосходство кочевников над жителями городов и сел. «Кипчаки – народ крепкий, сильный, здоровый», – пишет Ибн Батута¹³². «Они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями трав и полусырым мясом всякого скота», – говорит Аммиан Марцеллин о гуннах¹³³. Ал-Мукаддаси видит в тюрках «самых храбрых врагов, с крепкими телами, самых выносливых при бедствиях, у кото-

¹²² Алексеев В. П. Палеодемография: содержание и результаты // Историческая демография. Проблемы, суждения, задачи. М., 1989. С. 87-89.

¹²³ Эрдели И. Указ. соч. С. 102.

¹²⁴ Тольбеков С. Е. Указ. соч. С. 79.

¹²⁵ Крадин Н. Н. Особенности классового образования и политогенеза у кочевников // Архаическое общество: узловыe проблемы социологии развития. М., 1991. С. 304.

¹²⁶ Тольбеков С. Е. Указ. соч. С. 250.

¹²⁷ Кауфман А. А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903. С. 133.

¹²⁸ Тольбеков С. Е. Указ. соч. С. 207, 255.

¹²⁹ Бичурин И. Указ. соч. С. 40.

¹³⁰ Amm. Mar. XXXI, 2. 22.

¹³¹ Her, IV, 62; Amm. Mar. XXXI, 2. 23.

¹³² Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М. – Л., 1934. С. 283.

¹³³ Amm. Mar. XXXI, 2. 3.

рых меньше всего жизненных благ и покоя»¹³⁴. Естественный отбор на силу, ловкость, выносливость дополнялся воспитанием воинских качеств начиная с раннего детства. «Мальчик, как скоро сможет сидеть верхом на баране, стреляет из лука пташек и зверьков и употребляет их в пищу», – говорит Сымы Цянь о воспитании у гуннов¹³⁵. У монголов и казахов 12-13-летние юноши вместе со своими отцами ходили в набеги¹³⁶.

Суммируя данные исторических источников и археологических раскопок, можно прийти к выводу, что для общества кочевников были характерны: малая продолжительность жизни людей, высокая смертность, периодический голод и связанные с ним колебания численности населения, постоянные войны между родами и племенами. Эти признаки в совокупности свидетельствуют о *высоком демографическом давлении* в кочевом обществе.

Кочевники жили сплоченными родами, насчитывавшими десятки и сотни членов¹³⁷. Из-за нехватки пастбищ большие группы людей не могли кочевать вместе, поэтому после перекочевки на летние или зимние пастбища род обычно разделялся на группы родственных семей (казахские аулы)¹³⁸. Аул состоял из 3-7 близкородственных семей, иногда это была семья отца и семьи женатых сыновей¹³⁹. В состав аула могли входить и рабы, но их было мало, и они, как правило, не пасли скот, а использовались для домашних работ. Для пастыбы скота не требовалось много людей, один конный пастух мог справиться со стадом в 500 овец, но требовалось знание дела и настоящая забота о скоте, чего трудно было ожидать от рабов. Кроме того, раб-пастух мог легко найти удобный случай для бегства, поэтому кочевники не держали большого числа рабов; захваченных в набегах пленников старались продать торговцам, прибывавшим из земледельческих стран¹⁴⁰.

Пастбища обычно принадлежали всему роду или племени, и на них мог пасти свой скот любой соплеменник, первым занявший это место после перекочевки. Скот находился в частной собственности семей, и были семьи, значительно различавшиеся богатством¹⁴¹. Однако богатство среди кочевников было относительным: засуха, болезни скота, набеги врагов могли быстро разорить богача – и точно так же бедняк мог приобрести богатство в удачном набеге¹⁴². «Скот на самом деле принадлежит любому бурану и сильному врагу», – говорит казахская пословица¹⁴³.

Смелый батыр, захвативший много добычи, становился обычно главой рода и богачом, в случае необходимости он мог приказывать своим сородичам, но на нем же лежала забота о благополучии всех членов рода. «Богатый киргиз считает своим долгом каждое лето снабдить не только неимущих родственников, но и многих знакомых необходимым скотом... – отмечает А. Харузин. – За ссуду никакого вознаграждения не берется, а для взявшего существует только обязанность возвратить скот в целости»¹⁴⁴. Подобный обычай существовал у многих степных народов, у арабов он назывался «ваджа», у казахов – «саун»¹⁴⁵. «Эксплуатация простых полно-

¹³⁴ ал-Мукаддаси, Абу Абдаллах. Наилучшее распределение для познания стран // Материалы по истории туркмен и Туркмени. Т. 1. М.: Институт Востоковедения, 1939. С. 191.

¹³⁵ Бичурин И. Указ. соч. С. 40.

¹³⁶ Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 572; Марков Г. Е. Указ. соч. С. 152.

¹³⁷ См., например: Хазанов А. М. Указ. соч. С. 104; Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 511; Марков Г. Е. Указ. соч. С. 169.

¹³⁸ Хазанов А. М. Указ. соч. С. 269.

¹³⁹ Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 501.

¹⁴⁰ Хазанов А. М. Указ. соч. С. 141-142, 146.

¹⁴¹ Там же. С. 62; Марков Г. Е. Указ. соч. С. 59, 257.

¹⁴² Там же. С. 257.

¹⁴³ Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 257.

¹⁴⁴ Харузин А. Киргизы Букеевской орды. Т. 1. СПб., 1889. С. 222.

¹⁴⁵ Марков Г. Е. Указ. соч. С. 267; Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 530.

правных кочевников у номадов вряд ли достигала сколько-нибудь развитых форм», – отмечает Н. Н. Крадин¹⁴⁶.

В условиях постоянной войны в степях необходимыми условиями выживания были единство рода и родовая взаимопомощь, родовой коллективизм. «Удалой джигит рождается для себя, а умирает за род, – говорит казахская пословица. – Чем быть султаном в чужом роде, лучше быть рабом в своем»¹⁴⁷. Отношения взаимопомощи нашли отражение и в законах кочевых государств. По законам ойратов неокказание помощи нуждающемуся в ней приравнялось к убийству¹⁴⁸.

Родовыми вождями обычно становились воины, проявившие себя в сражениях. «Кто храбр, силен и способен разбирать сложные дела, тех поставляют старейшинами, – говорит Фань Е о племени ухуань. – Наследственной власти у них нет»¹⁴⁹. У большинства кочевых племен в мирное время власть старейшин была невелика, и важные вопросы решались собранием родовичей¹⁵⁰. Лишь 3 из 27 описанных в базе данных Дж. Мердока кочевых обществ имели устойчивое деление на страты¹⁵¹. Родовой коллективизм находил свое проявление в обычаях военной демократии и в выдвижении по заслугам.

Таким образом, в конечном счете формирование общества кочевников определялось теми же тремя факторами, что и формирование общества земледельцев: географический фактор предопределял скотоводческие занятия обитателей степей, технологический фактор (создание усовершенствованного уздечного набора) обусловил развитие всадничества и кочевание, а демографический фактор в сочетании с высокой мобильностью способствовал появлению обычаев военной демократии.

Политическая карта Великой степи обычно являла собой пестрый конгломерат враждующих родов и племен. Как отмечалось выше, государство появляется в земледельческих обществах при достижении достаточно высокой плотности населения. Плотность населения у кочевников была в десятки раз ниже, чем у земледельцев. Н. Н. Крадин отмечает, что государственность для кочевников не была внутренне необходима, что большинство кочевых обществ никогда не достигали уровня государственности¹⁵². Но все же бывали случаи, когда победоносный хан объединял несколько племен и создавал кочевое государство. Как заключают многие историки, объединение кочевников обычно было ответом на создание по соседству мощного централизованного земледельческого государства¹⁵³. С одной стороны, такое объединение становится необходимым для противостояния мощному противнику, с другой стороны, это была реакция подражания соседней державе. Последнее обстоятельство подчеркивается еще и тем, что управленческая структура кочевников обычно создавалась по образцу соседних земледельческих государств; так, создатель империи гуннов шаньюй Модэ заимствовал административные традиции империи Цинь¹⁵⁴, а Чингисхан перенял военную организацию у Цзинь и Ляо¹⁵⁵. Таким образом, мы можем говорить о диффузии государственных принципов земледельцев в кочевые общества.

¹⁴⁶ Крадин Н. Н. Указ. соч. С. 315.

¹⁴⁷ Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 514.

¹⁴⁸ Марков Г. Е. Указ. соч. С. 98.

¹⁴⁹ Бичурин И. Указ. соч. С. 142.

¹⁵⁰ Марков Г. Е. Указ. соч. С. 61-63, 99, 142, 260.

¹⁵¹ Крадин Н. Н. Археологические признаки цивилизации... С. 202.

¹⁵² Крадин Н. Н. Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 22.

¹⁵³ Крадин Н. Н. Империя хунну. М., 2001. С. 38, 43; Барфилд Т. Дж. Мир кочевников-скотоводов // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 429.

¹⁵⁴ Гумилев Л. Н. Хунну. СПб., 1993. С. 71.

¹⁵⁵ Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973. С. 81.

Объединение кочевых племен в единое государство клало конец межплеменным войнам, но не снижало демографического давления в степи. Если раньше, в годы климатического стресса, кочевники шли в набег на соседнее племя и численность населения снижалась за счет военных потерь, то теперь единственным способом спасения от голода было объединение сил степи и нашествие на земледельческие страны. Таким образом, объединение кочевников неизбежно порождало волну нашествий¹⁵⁶.

Исход нашествия на земледельческие страны зависел от нескольких факторов. На стороне кочевников были отвага, выносливость, искусство наездников и стрелков из лука, солидарность в бою и очень часто – сознание того, что отступить некуда, что либо победа, либо голодная смерть. На стороне земледельцев было превосходство в численности и часто – превосходство в организации. Эти факторы обычно компенсировали друг друга, и исход сражений зависел от главного фактора – от вооружения и тактики. Если кочевники не имели превосходства в вооружении и не могли получать ресурсы грабежом земледельческих стран, то их государства не выдерживали климатических стрессов и быстро распадались. Однако, сражаясь между собой, степняки постоянно совершенствовали вооружение и тактику кавалерии и иногда оказывались обладателями нового, обеспечивающего победу оружия. Появление нового оружия нарушало военное равновесие между кочевниками и земледельцами, и на земледельческие цивилизации обрушивалась волна нашествий непобедимых и жестоких завоевателей.

Завоевание приводило к созданию сословных обществ, в которых основная масса населения, потомки побежденных земледельцев, эксплуатировалась потомками завоевателей. Далее нам необходимо рассмотреть механизм создания и дальнейшей эволюции таких обществ.

¹⁵⁶ См., например: Большаков О. Г. История халифата. Т. 2. М., 1993. С. 14.

1.7. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ И КОЧЕВНИКОВ

В литературе нет общепринятого термина для обозначения сословных обществ, которые создают кочевники при завоевании земледельческих областей; их называют политарными, данническими, феодальными и т. д. Мы будем пользоваться терминологией Н. Н. Крадина, который называет такие государства «ксенократическими», или «завоевательными»¹⁵⁷. Поскольку в эпоху до создания артиллерии нашествия кочевников происходили регулярно с интервалами в одно-два-три столетия, то большинство обществ того времени были ксенократическими. Схему развития таких обществ нарисовал великий арабский философ Ибн Халдун, своими глазами наблюдавший их жизнь и обобщивший в своих наблюдениях обширный материал со всего мусульманского мира¹⁵⁸.

Ибн Халдун начинает с описания *асабии* – родового или племенного объединения кочевников-бедуинов, основанного на началах солидарности, коллективизма и братства (слово «асабия» используют также в значении «родовая солидарность»). Асабия возглавляется шейхами, «выдающимися людьми» на основе «того почтения и уважения, которое все испытывают к ним»¹⁵⁹. Скитаясь в степях и пустынях, бедуины привыкли довольствоваться самым необходимым, они постоянно подвергаются опасностям, «поэтому мужество стало для них свойством характера, а смелость – природным качеством»¹⁶⁰. «Так как кочевая жизнь является причиной смелости, то необходимым образом дикое племя боеспособнее, чем другое», – пишет Ибн Халдун¹⁶¹. Обладая военным превосходством, кочевники захватывают обширные земледельческие области, подчиняют местное население и заставляют его платить дань. Асабия становится привилегированным военным сословием и достигает могущества, однако затем начинается ее медленное распадение. Шейх *асабии* становится государем и постепенно отдаляется от своих соратников; он приближает к себе низкопоклонствующих перед ним «чужаков» (т. е. местных чиновников), перенимает местные обычаи и начинает править самовластно¹⁶². Отмеченный Ибн Халдуном конфликт между царями и знатью является типичным для новых обществ, которые создают завоеватели в покоренных ими странах Востока. Самодержавие является характерной чертой многих восточных обществ, и, вторгаясь в страны древней цивилизации, завоеватели-варвары, естественным образом, пытаются перенять их культуру и систему управления – этот процесс можно рассматривать как проявление следующего за завоеванием *социального синтеза*. В соответствии с традициями Востока права верховной собственности принадлежат царю, и стремление царей присвоить себе все плоды завоеваний вызывает протест родовой знати, которая требует выделения своей доли. Знать не желает признавать заимствованное у побежденных самодержавие, она устраивает заговоры и убивает или свергает царей, а цари «подавляют мятежные стремления своих сотоварищей и все богатства присваивают себе»¹⁶³. Знать отстаивает старые традиции кочевников, поэтому мы будем называть ее мятежи и заговоры *традиционалистской реакцией*. С другой стороны, некогда мужественные бедуины привыкают к «обычаям роскошной, удобной жизни, уменьшается их смелость в той же степени,

¹⁵⁷ Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М., 2006. С. 49, 54.

¹⁵⁸ См.: Игнатенко А. А. Ибн-Хальдун. М., 1980; Бациева С. М. Бедуины и горожане в Муккадимах Ибн Халдуна // Очерки истории Арабской культуры V – XV вв. М., 1982.

¹⁵⁹ Игнатенко А. А. Указ. соч. С. 73.

¹⁶⁰ Бациева С. М. Указ. соч. С. 329.

¹⁶¹ Там же. С. 333.

¹⁶² Игнатенко А. А. Указ. соч. С. 82.

¹⁶³ Бациева С. М. Указ. соч. С. 348.

что и их дикость и бедуинский образ жизни»¹⁶⁴. Стремление к роскоши вызывает рост налогов, которые оказываются непосильными для крестьян, – начинаются восстания. К этому времени *асабия* уже разложилась и утратила свое единство: в погоне за богатством бедуины забыли о коллективизме и об обычаях взаимопомощи, они привыкли к безбедной жизни и превратились в изнеженных городских жителей. Государство разрушается, его обороноспособность падает, и его история заканчивается вторжением новой бедуинской *асабии*¹⁶⁵.

Необходимо обратить внимание на еще один аспект эволюции завоевательной империи. Дело в том, что, как отмечалось выше, сама по себе государственность не типична для кочевников, которые обычно живут по законам военной демократии. Поэтому традиционалистская реакция, если она побеждает, приводит к распаду ксенократической империи на мелкие государства-завоеватели, подобно тому как в степи племенные союзы распадаются на враждующие племена. Кроме того, для кочевников характерно выделение многочисленным наследникам правителя фактически самостоятельных уделов (улусов), что также подрывает государственное единство. Таким образом, сохранение кочевых традиций является еще одним фактором, обуславливающим нестабильность созданных путем завоевания империй¹⁶⁶.

Характерно, что идеи Ибн Халдуна прямо используется в диффузионистской теории У Мак-Нила. «Сам образ жизни пастухов вырабатывал военные (или по крайней мере полувойенные) навыки... – писал У Мак-Нил. – Завоеватели, пришедшие... из областей на границе цивилизованного мира, действительно могли установить деспотическую центральную власть, однако через несколько поколений завоеватели вполне могли сменить свои военные обычаи на более свободный и изнеженный образ жизни, существовавший в городах. В свою очередь, ослабление воинской дисциплины и упадок боевого духа создавали предпосылки для восстаний в самой империи или прихода новых завоевателей из пограничных областей... В ранней фазе завоевательных походов, когда одерживались блестящие победы и завоевывались аграрные регионы, члены полуварварских отрядов беспрекословно подчинялись власти вождя. Но предводители победоносных варварских отрядов (или их наследники) пытались избежать ограничений собственной власти, выработанной на основе обычая, путем привлечения принципов абсолютизма и бюрократического управления, выработанных в цивилизованных обществах. Вследствие этого противоречия между монархами и аристократами были обычным делом. И когда по вышеупомянутой причине в варварских военных отрядах падала дисциплина, открывался путь для новых завоевателей»¹⁶⁷.

Таким образом, теория Ибн Халдуна фактически включается в современную теорию диффузионизма для объяснения тех волн завоеваний, которые сопровождаются покорением цивилизованных областей народами варварской периферии.

По Ибн Халдуна, развитие государства от его рождения до гибели охватывает время жизни трех поколений – приблизительно 120 лет. А. А. Игнатенко, проанализировав имеющиеся данные о продолжительности и характере правления мусульманских династий, нашел, что обрисованная Ибн Халдуном картина близка к реальности¹⁶⁸. В. В. Бартольд и видный французский исследователь М. Бувье-Ажам считали Ибн Халдуна основателем социологии, такого рода высказывания можно найти и у других специалистов¹⁶⁹. Концепция Ибн Халдуна оказала значительное влияние на автора известной «теории насилия» Л. Гумпловича – именно отсюда

¹⁶⁴ Там же. С. 333.

¹⁶⁵ Игнатенко А. А. Указ. соч. С. 147.

¹⁶⁶ Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 507.

¹⁶⁷ Мак-Нил У Восхождение Запада... С. 88, 96, 150.

¹⁶⁸ Там же. С. 106.

¹⁶⁹ См.: Соколова М. Н. Современная французская историография. М., 1979. С. 177; Бациева С. М. Указ. соч. С. 311.

ведет свое начало идея о появлении государства в результате завоевания¹⁷⁰. А. Тойнби включил концепцию Ибн Халдуна в свою теорию Вызова-и-Ответа¹⁷¹.

В последнее время теория Ибн Халдуна активно используется в работах П. Турчина, который, в частности, установил ее сходство с некоторыми современными концепциями: с теорией социальной сплоченности Дюркгейма, с теорией «социального капитала», социально-психологическими теориями «индивидуализма-коллективизма». П. Турчин развивает теорию «матаэтнического фронта», показывая, что общества с высокой асабией формируются на границе земледельческих империй с варварской периферией в условиях жестоких войн и интенсивного естественного отбора. Затем, когда асабия империи ослабевает, они вторгаются через границу и создают свои «варварские королевства»¹⁷².

Возвращаясь к демографическому аспекту развития ксенократического общества, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что цикл, описываемый Ибн Халдуном, является *демографическим циклом*. Действительно, вторжение кочевников обычно несет с собой демографическую катастрофу, затем начинается период восстановления, а потом приходит Сжатие с его необратимыми следствиями: разорением крестьян и ростом крупного землевладения. Как обычно, Сжатие сопровождается ростом ренты и финансовым кризисом государства, фракционированием элиты и борьбой за ресурсы между элитой и монархией. Но *в отличие от общей демографически-структурной схемы теория Ибн Халдуна описывает новые конкретные процессы, характерные для Сжатия в ксенократических обществах*. Это процессы разложения асабии и роста собственнических настроений в элите. Они приводят к «приватизации» тех икт и феодалов, которыми знать и воины владели на условиях службы, к разложению государственных структур, к узурпации государственными служащими своих властных полномочий, к превращению государственных постов в средство получения неконтролируемых доходов, к *феодализации* государства. Феодализация сопровождается ростом поборов с населения и перераспределением ресурсов в пользу элиты. В результате этого перераспределения ресурсов часто возникает *системный кризис*, который в условиях Сжатия быстро перерастает в экосоциальный кризис. Начинаются восстания, которые вместе с ослаблением элиты быстро приводят к гибели государства.

Таким образом, теория Ибн Халдуна, так же как демографически-структурная теория, описывает демографический цикл, причем делает акцент на отношениях внутри структуры «государство – элита – народ». Это специфический цикл, протекающий в земледельческих государствах, завоеванных кочевниками, т. е. цикл ксенократического общества, – П. В. Турчин и А. В. Коротаев называют такие циклы «ибн-халдуновскими». А. В. Коротаев подробно рассмотрел специфику ибн-халдуновских циклов на примере истории Египта и показал, что эти циклы отличаются от обычных, в частности, меньшей продолжительностью¹⁷³. А. В. Коротаев приводит чрезвычайно важный отрывок из труда Ибн Халдуна, в котором описывается экосоциальный кризис в ксенократическом обществе:

«На последних [фазах] династий часто случаются голодные годы и эпидемии. Что касается голодных лет, то причиной им служит то обстоятельство, что большинство людей [в это время] воздерживается от [необходимой] обработки земли из-за [характерного] для последних [лет династии] разграбления собственности [рядового населения] через разного рода налоги и незаконные поборы или из-за смут, вызванных недовольством податного населения, и мятежей, спровоцированных ослаблением династии. Поэтому запасается все меньше продовольствия. Состояние же сельского хозяйства и количество производимого им продукта в разные

¹⁷⁰ Там же. С. 119.

¹⁷¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1996. С. 154.

¹⁷² Turchin, P. Historical Dynamics. Why States Rise and Fall. Princeton and Oxford, 2003. P. 38-77.

¹⁷³ Коротаев А. В. Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта. Циклы и тенденции. М., 2006.

годы различается; естественным образом [в разные годы] выпадает разное количество осадков, оно то больше, то меньше, а поэтому и [в разные годы] зерна, плодов, молока тоже [производится] то больше, то меньше. Люди для обеспечения себя продовольствием [в неурожайные годы] создают запасы продовольствия. Если запасы продовольствия исчерпаны, людей ждут голодные годы, продовольствие дорожает, нуждающиеся не могут его приобрести и погибают; если же запасы продовольствия отсутствуют несколько лет подряд, то голод становится всеобщим. Большое же число эпидемий [наблюдаемое в этот период] вызвано вышеупомянутыми многочисленными голодными годами и смутами, спровоцированными ослаблением [династии], усобицами, вот и случаются эпидемии»¹⁷⁴.

В некоторых случаях восстания и гражданские войны порождают этактистскую монархию, в других случаях кризис провоцирует новое вторжение степняков. Демографическое давление в степи остается высоким всегда, и стоящие у границ кочевники только и ждут момента, когда государство ослабеет и внутренние смуты откроют его границы для вторжений. Это обстоятельство объясняет наличие в истории земледельческих стран большого количества *прерванных циклов* – мы увидим в дальнейшем, что едва ли не половина всех демографических циклов была прервана нашествиями варваров.

Необходимо также сказать несколько слов об экологическом аспекте теории Ибн Халдуна. Постоянные войны в степи делали кочевников прирожденными воинами-кавалеристами, сильными, отважными, выносливыми и агрессивными; по своим физическим и психологическим характеристикам, по образу жизни кочевники были непохожи на крестьян-земледельцев. Эти отличия были следствием обитания в *другой экологической нише*, следствием адаптации к другим экологическим условиям. По законам биологии обитание в другой экологической нише ведет к формированию *видовых различий*, таким образом, можно предположить, что процесс становления кочевничества являлся также началом выделения *нового подвида* людей (точно так же, как земледельцы были новым подвидом по отношению к охотникам).

Наличие «межвидовых» взаимодействий существенно усложняет динамику развития земледельческих обществ. Завоевания приводят к появлению сословных ксенократических обществ, в которых кочевники становятся военным сословием, а покоренные земледельцы – податным сословием. Начинается реадаптация кочевников к условиям новой экологической ниши, в процессе которой они перенимают многие традиции земледельцев. В первую очередь перенимается система государственного управления и самодержавие – шейхи кочевников становятся государями и начинают «править самовластно». С другой стороны, кочевники утрачивают свои родоплеменные традиции братства и взаимопомощи; они принимают принципы частной собственности и стремятся к обогащению, они стремятся превратить в собственность («приватизировать») доходные должности и служебные кормления. Происходит процесс феодализации и диссипации власти, это приводит к разложению государства, внутренним усобицам и к отпадению ставших независимыми наместников.

Адаптация к новым условиям существования имеет и чисто физиологический аспект: оказавшись в непривычных условиях благополучного существования, кочевники уже не подвергаются тому естественному отбору, который сделал их воинами, кроме того, они вступают в брак с местными женщинами, и их потомки теряют боевые качества отцов. Поэтому через три-четыре поколения после завоевания военное сословие оказывается не в состоянии исполнять свои функции и страна становится добычей новых завоевателей.

Как отмечалось выше, теория Ибн Халдуна тесно связана с демографически-структурной теорией: она описывает эволюцию особой, ксенократической структуры «государство – элита – народ» в условиях роста населения. Она объясняет также и ксенократическую трансформа-

¹⁷⁴ Там же. С. 38.

цию структуры, которая происходит во время завоевания и которую невозможно объяснить из демографически-структурной теории.

1.8. ТРЕХФАКТОРНАЯ МОДЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Суммируя изложенное выше, мы можем констатировать, что современное состояние теории факторов исторического процесса позволяет описать механизм совместного действия трех факторов: демографического, технологического и географического. При этом воздействие географического фактора отличается по своему характеру от воздействия других рассматриваемых факторов. Численность населения и технология являются переменными, динамическими величинами, в то время как природные условия остаются относительно постоянными на протяжении тысячелетий¹⁷⁵. Географический фактор *является формообразующим*, он участвует в формировании обществ земледельцев и кочевников, а в дальнейшем его влияние проявляется в процессах социального синтеза, которые начинаются после завоевания земледельческих обществ кочевниками.

Демографический фактор является динамическим, и, как было показано выше, его действие описывается демографически-структурной теорией. Этот фактор предопределяет развитие земледельческих обществ в ритме демографических циклов: рост населения приводит к Сжатию и экосоциальному кризису, который заканчивается гибелью значительной части населения и (в большинстве случаев) установлением этатистской монархии. В новом цикле Сжатие приводит к росту крупного землевладения и к ослаблению монархии, но следующий кризис обновляет этатистскую монархию и снова ограничивает частное землевладение.

Мы будем использовать классификацию, в которой базисным элементом является *частнособственническое общество* (общество А). Этот термин был предложен Л. С. Васильевым¹⁷⁶ для обществ с господствующей индивидуальной или семейной частной собственностью на землю и демократической или олигархической формой правления. В соответствии с теорией классический демографический цикл во многих случаях трансформирует частнособственническое общество в *этатистскую монархию* – общество, характеризующееся господством автократии, верховной государственной собственностью на землю и развитой системой государственного регулирования (общество В). Этатистская монархия может сосуществовать с мелкой крестьянской собственностью, но она препятствует развитию крупной земельной собственности. Хотя в этатистской монархии часто существуют сословия, в этом обществе нет значительных сословных привилегий и относительно велика социальная мобильность, сословия не имеют замкнутого характера. В литературе общества такого типа часто называют восточными деспотиями, однако многие востоковеды по понятным причинам возражают против использования этого термина¹⁷⁷. Кроме того, в результате ослабления государственного регулирования в этатистской монархии могут получить развитие частнособственнические отношения и может развиваться крупная земельная собственность. Общества такого типа мы называем *частнособственническими монархиями* (общество А_б).

На естественное течение демографического цикла накладываются процессы, порожденные вмешательством технологического фактора. Действие этого фактора также является динамическим и описывается тремя связанными друг с другом теориями: теорией диффузионизма, теорией военной революции и теорией Ибн Халдуна.

Традиционное общество существовало в период, ограниченный двумя технологическими революциями, и изменения технологии в этот период были не столь значительными,

¹⁷⁵ Гринин Л. Е. Указ. соч. С. 61.

¹⁷⁶ Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983. С. 56.

¹⁷⁷ Материалы обсуждения этой проблемы см.: Якобсон В. А. Проблемы изучения истории государства и права на Древнем Востоке // Народы Азии и Африки, 1984, № 2–3.

как в другие эпохи. Тем не менее фундаментальные открытия имели место как в производстве пищи, так и в военном деле. Важное значение имело освоение технологии выращивания заливного риса, а затем распространение картофеля и кукурузы. Эти сельскохозяйственные нововведения расширили экологическую нишу народов Азии, в некоторых случаях замедлили процесс перенаселения и привели к значительному удлинению отдельных демографических циклов. Большое значение имели фундаментальные открытия в военной сфере. Среди военнотехнических инноваций степных племен необходимо отметить создание боевой колесницы, освоение всадничества и верховой стрельбы из лука; затем были созданы большой гуннский лук, седло, стремя, сабля, монгольский рефлексирующий лук. Эти открытия привели к распространению волн завоеваний кочевников, причем впереди этих волн (согласно теории) должна была идти волна диффузии, приводящая в земледельческих государствах к трансформациям структур по образцу тех обществ, которые создавали победоносные кочевники. Когда кочевники завоевывают этактистскую монархию, они часто сохраняют автократическое правление и сословную структуру. Завоеватели превращаются в привилегированное военное сословие, а покоренное население становится эксплуатируемым податным сословием; таким образом, появляются большие различия в положении сословий, и сословия становятся более замкнутыми. Общества такого рода мы называем *ксенократическими сословными монархиями* (общество С). Дальнейшая эволюция сословных монархий описывается теорией Ибн Халдуна и демографически-структурной теорией: происходит распадение асабии завоевателей, военные держания «приватизируются», автократия слабеет и превращается в *феодальную монархию* (общество А_С). В феодальных монархиях часто развиваются частнособственнические отношения, поэтому в некоторых случаях различие между обществами А_С и А_Б оказывается незначительным; оно состоит главным образом в том, что в феодальном обществе в условиях большей децентрализации частная собственность менее обеспечена от произвола властей. В конечном счете Сжатие в условиях феодального общества приводит к экосоциальному кризису и появлению новой этактистской монархии или к новому завоеванию. Таким образом, согласно теории должны происходить *трансформации структуры СА_СВ* или *СА_СС^С* (верхний индекс «С» означает результат внешних влияний, завоевания или диффузии).

Земледельческие народы также совершали открытия в военной сфере, к их числу можно отнести семитский лук, македонскую фалангу, римский легион, огнестрельное оружие. Роль нового оружия в земледельческих государствах зависит от системы содержания армии. Если используется система служебных держаний (наподобие бенефициев), то появляется сословная монархия того же типа, какие создавали кочевники (и далее эволюция сословной монархии происходит в том же направлении). Но иногда новое оружие становится достоянием профессиональной армии, состоящей на жалованье. Теория военной революции показывает, к каким последствиям должно привести появление такой профессиональной армии: оно должно вызвать трансформацию структуры «государство – элита – народ» и становление (или укрепление) этактистской монархии.

Таково краткое описание роли трех факторов в историческом процессе – прогноз, который может дать теория студенту или исследователю, приступающему к изучению истории Востока. Наша дальнейшая задача – проверить, насколько оправдывается этот прогноз в действительности.

ГЛАВА II ЭПОХА ПЕШИХ ЛУЧНИКОВ

2.1. ДРЕВНИЙ ШУМЕР

В VII тысячелетии до н. э. междуречье Тигра и Евфрата к югу от 34 параллели было почти необитаемой страной болот и пустынь. Освоение этих земель началось в середине VI тысячелетия созданием первых оросительных систем в районе теперешней Самарры, а к концу этого тысячелетия поселения земледельцев уже достигли берегов Персидского залива. В этот период искусственное орошение ограничивалось обваловыванием небольших затухающих протоков и созданием миниатюрных бассейновых систем, «искусственных лиманов», – такие сооружения могли быть созданы силами деревенской общины¹⁷⁸. Размеры деревень были небольшими, порядка 3 га; центром деревни было святилище общинного бога, где хранились запасы зерна¹⁷⁹. Первые поселенцы, по-видимому, испытывали трудности адаптации из-за зараженности болотистой местности малярией, однако все неудобства искупались удивительным плодородием почв: каждое посеянное зерно давало 60 зерен, и урожайность составляла 12 ц/га, при этом собирали два урожая в год¹⁸⁰. Тем не менее темпы заселения Двуречья оставались невысокими до тех пор, пока во второй половине IV тысячелетия шумеры не научились строить магистральные каналы длиной в десятки километров¹⁸¹. В это время появились медные топоры и лопаты, облегчившие создание ирригационных систем, гончарный круг обеспечил население дешевой керамикой для хранения зерна, плуг резко увеличил производительность труда при вспашке¹⁸². При плужном земледелии основные сельскохозяйственные работы выполняют мужчины, и это обстоятельство определило патриархальный характер шумерской большой семьи, так называемого «дома»¹⁸³.

Ирригационная революция IV тысячелетия привела к быстрому росту населения, проявившемуся прежде всего в увеличении числа и размеров поселений.

В начале III тысячелетия рост городков и городов намного обогнал рост деревень; это указывает на то, что в деревнях появилось излишнее население, которое в поисках работы мигрировало в города. Каждый шумерский город был центром «номового государства», разросшейся общины поселенцев. Общинные святилища превратились в большие храмы, оставшиеся центрами жизни города-государства, и государство сохраняло характер храмовой общины; жрецы храма были одновременно руководителями общины. Главы «домов» участвовали в народном собрании, которое выбирало жрецов-правителей («эн», «энси», «ишшиаккум») и других должностных лиц; самые богатые и знатные из общинников входили в совет старейшин¹⁸⁴.

¹⁷⁸ Андрианов Б. В. Земледелие наших предков. М., 1978. С. 93.

¹⁷⁹ Ламберт-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М., 1992. С. 102.

¹⁸⁰ История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. М., 1983. С. 180.

¹⁸¹ Андрианов Б. В. Указ. соч. С. 94.

¹⁸² История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988. С. 22.

¹⁸³ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 204.

¹⁸⁴ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 190, 203.

Эра (г. до н. э.)	Деревни (0,1–6 га)	Селения (6–25 га)	Городки (25–50 га)	Города (более 50 га)
3500	17	3	1(?)	0
3200	112	10	1	0
2900	124	20	20	1

Табл. 1. Рост поселений в Древнем Двуречье¹⁸⁵

Храм владел значительной частью земель общины и в больших масштабах вел собственное хозяйство. Согласно источникам, относящимся к XXIV в., земли храма обрабатывали «рабочие отряды», состоявшие в основном из разорившихся общинников; лишившись своей земли, эти крестьяне уже не допускались в народное собрание и считались «людьми храма». Рабочие отряды (эрен) получали от храма быков, плуги и посевное зерно, всю продукцию сдавали в храмовые амбары. В качестве оплаты за труд рабочие получали хлебные выдачи и иногда – маленькие земельные наделы¹⁸⁶. Храм содержал работавших на общину ремесленников, рыбаков и торговцев. Продукция, произведенная в храмовом хозяйстве, составляла продовольственный запас общины, расходовалась на жертвоприношения, пиршества, на содержание жрецов и должностных лиц. Храм оказывал помощь обедневшим общинникам, в частности предлагал им льготные условия аренды своих земель. Храмовое хозяйство составляло, таким образом, общинный или государственный сектор экономики. Остальная часть земли принадлежала большим семьям («домам») общинников; эти семейные участки могли продаваться, хотя для продажи требовалось согласие общины¹⁸⁷.

Ирригационная революция, резкое увеличение плотности населения и усложнение хозяйственной жизни требовали создания новых способов коммуникации. В конце IV тысячелетия для передачи слов и понятий стали использовать иероглифы, которые, постепенно упрощаясь, превратились к середине III тысячелетия в клинописные знаки. Таким образом появилась письменность; это было *фундаментальное открытие*, сделавшее возможным создание сложного государственного аппарата, системы учета и контроля, давшее толчок развитию торговли и частнособственнических отношений. Письменность стала последним компонентом, завершившим формирование цивилизационного комплекса шумерских городов-государств; цивилизация Шумера теперь намного превосходила своим культурным и экономическим потенциалом окружающие ее общества примитивных земледельцев, поэтому она стала для них источником культурных заимствований. Из Шумера стала распространяться *диффузионная волна*, элементами которой были ирригационные системы, храмовое хозяйство, письменность и другие характерные черты шумерской цивилизации. Уже в первой половине III тысячелетия шумерское письмо стало использоваться восточными семитами, мигрировавшими из Аравийской степи на территорию центральной Месопотамии и жившими там (в частности, в Кише) вперемешку с шумерами. Эту письменность использовали в возникшем севернее семитском государстве Мари, социальное устройство которого было подобно шумерским храмовым общинам. В середине III тысячелетия в Сирии возникает город-государство Эбла с типичным дворцово-храмовым хозяйством и шумерской письменностью, которой передавались слова местного западносемитского языка; правитель его обозначался шумерской идео-

¹⁸⁵ Adams R. McC. The Uruk Countryside. Chicago, 1972. P. 18.

¹⁸⁶ Тюменев А. И. Государственное хозяйство древнего Шумера. М. – Л., 1956. С. 135-180; Заблоцка Ю. История Ближнего Востока в древности. М., 1989. С. 106; История Древнего Востока... Ч. 1. С. 202-203.

¹⁸⁷ Ламберт-Карловски К., Саблов Дж. Указ. соч. С. 169; История Древнего Востока... Ч. 1. С. 116-117; Ч. 2. С. 212, 214-216.

граммой «эн». Из Сирии шумерская культура распространялась далее, в Малую Азию и Палестину¹⁸⁸.

Тем временем в шумерском обществе продолжались процессы, вызванные нарастанием демографического давления. Начиная с XXVI в. появляются сведения о растущем расслоении общества, о появлении знати, владевшей поместьями в сотни гектар и занимавшей высшие общинные должности¹⁸⁹. Крупные землевладельцы за бесценок скупали земли общинников, покупали детей у голодающих бедняков. Сила богатства была такова, что за убийство можно было откупиться подарком¹⁹⁰. Появилось рабство, в хозяйствах храма и частных лиц было занято много рабынь, нгеме. Нет сомнения, что общество Двуречья середины III тысячелетия было основано на появившейся внутри общины частной собственности, поэтому в соответствии с предлагаемой Л. С. Васильевым терминологией мы будем называть его *частнособственническим обществом*¹⁹¹. Общинная знать, опиравшаяся на свои богатства, выступает в этом контексте как *олигархия крупных собственников*, хотя, конечно, необходимо учитывать своеобразие общинных традиций, при которых понятия власть и собственность были тесно связаны¹⁹².

Углубление социальной дифференциации свидетельствовало о повышении демографического давления. К середине III тысячелетия основные массивы плодородных земель были уже освоены, и дальнейший рост населения должен был привести к кризису¹⁹³. Столкновения из-за земли привели к большим переменам в отношениях государств Двуречья: города окружаются стенами, начинается эпоха больших войн. Из письменных источников известно, что войны становятся ежегодными, что появляется традиция воевать в определенное время года. Военные действия отличались большим ожесточением, пленных мужчин, как правило, убивали, этой же участи подвергались малолетние дети, женщин и подростков обращали в рабов¹⁹⁴.

Военная техника того времени была уже достаточно сложной. К середине III тысячелетия относится появление первых колесниц – тяжелых двуосных повозок, в которые запрягали ослов-эквидов. Колесничные воины были вооружены дротиками и копьями, из защитного вооружения имелись медные шлемы и толстые войлочные плащи, обшитые медными бляхами. Колесничих поддерживали отряды одетых в войлочные плащи и шлемы копейщиков, которые, судя по одинаковому вооружению, были наемниками на службе у храмов. Толпа простых ополченцев-общинников шла в отдалении за тяжелой пехотой, они были вооружены только пращами и кинжалами, и некоторые из них не имели даже одежды¹⁹⁵.

Войны увеличивали значение военных предводителей, на время войны жрец-правитель иногда получал чрезвычайные полномочия и титул лугалья. Войско первоначально имело характер ополчения; затем, с углублением социального расслоения, оно стало набираться преимущественно из «мужчин одной головы», это были дружинники, снаряжавшиеся за счет храма. В состав храмовой дружины входили многие бедняки; они шли воевать, надеясь на добычу. Военный предводитель в силу своего положения был вынужден поддерживать требования своих воинов, обеспечивать их хлебом и снаряжением; это можно было сделать лишь путем полного подчинения лугалю храмового хозяйства и обращения всех его ресурсов на нужды войны. Знать, занимавшая должности в храмах и владевшая значительной частью хра-

¹⁸⁸ Ламберт-Карловски К., Саблов Дж. Указ. соч. С. 169.

¹⁸⁹ Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959. С. 50; Заблочка Ю. Указ. соч. С. 102.

¹⁹⁰ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 174, 188, 206.

¹⁹¹ Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983. С. 56.

¹⁹² Васильев Л. С. История Востока. Т. 1. М., 1994. С. 58.

¹⁹³ Заблочка Ю. Указ. соч. С. 106.

¹⁹⁴ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 186.

¹⁹⁵ Там же. С. 185-187.

мовых доходов, противилась действиям лугалья, таким образом, в условиях высокого демографического давления начиналась борьба за ресурсы, назревал конфликт между знатью и пользующимися поддержкой народа военными вождями¹⁹⁶. Как известно, конфликт такого рода был типичен для государств Древнего мира, в особенности для Ассирии, Греции и Рима. «Полководец, получающий единоличную власть по воле народных масс и через голову других традиционных общинных институтов (совета старейшин, сената, булэ, эфоров и т. д.), – фигура в истории древности отнюдь не случайная, – указывает В. А. Якобсон. – Именно так возникали греческие тирании, постоянные диктатуры, а затем и принципат в Риме. Можно также упомянуть попытки государственных переворотов в Спарте. Вполне допустимо предположить, что таков же был механизм возникновения царской власти в городах-государствах Месопотамии...»¹⁹⁷. «Царь старается – как греческий тиран – обеспечить себе симпатии крестьян и мелких горожан», – писал Макс Вебер¹⁹⁸.

Изучение всех деталей борьбы затруднено фрагментарностью имеющихся источников. Известно, что в XXV в. самыми сильными из правителей Двуречья были энси города Лагаша; они вели успешные войны и часто принимали титул лугалья. Энси Ур-Нанше прославился строительством каналов, плотин и храмов, он построил огромные хлебные склады для общинных запасов продовольствия – «дом провианта»; Ур-Нанше изображали на рельефах как строителя, с корзиной кирпичей в руках¹⁹⁹. Ирригационные работы и создание продовольственных запасов были мерами, направленными на решение продовольственной проблемы; очевидно, в этот период уже существовала нехватка хлеба. Ур-Нанше был настолько популярен в народе, что после его правления должность энси, оставаясь формально выборной, фактически наследовалась в рамках одного рода. Энси Энметена, правивший в середине XX-IV столетия, стал известен благодаря первому зафиксированному в источниках «освобождению» («ама-р-ги»). Эта реформа, иначе называвшаяся «справедливость», включала в себя отмену долгов, освобождение долговых рабов и возвращение прежним владельцам проданных за долги земель²⁰⁰. Социальный смысл «освобождения» не вызывает сомнений – это было мероприятие, проведенное в интересах простых людей и в ущерб знати; его целью было повышение уровня жизни народа путем перераспределения собственности. Проведение «освобождения» в дальнейшем стало традицией, и оно проводилось относительно регулярно (при Хаммурапи – раз в семь лет).

Как отмечалось выше, демографическое давление можно оценить, зная потребление пищи на душу населения. Для конца XXIV столетия (2318 – 2312 гг. до н. э.) известны нормы выдачи натуральной оплаты храмовым рабочим, эти нормы составляли 36 сила (примерно 36 литров) ячменя в месяц для рабочих низкой квалификации – безразлично, мужчин или женщин, дети-подростки получали треть этой нормы²⁰¹. Если семья рабочего имела двоих детей (в том числе одно подростка), то на человека приходилось 156 кг зерна в год, если она имела одного ребенка – 179 кг. Минимальная норма потребления для стран Ближнего Востока составляет около 200 кг зерна в год²⁰² – таким образом, потребление неквалифицированных работников находилось намного ниже минимальной потребительской нормы. Это обстоятельство говорит о том, что демографическое давление в рассматриваемый период было достаточно высоким.

¹⁹⁶ Там же. С. 192-193.

¹⁹⁷ Якобсон В. А. Цари и города древней Месопотамии // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М., 1989. С. 22.

¹⁹⁸ Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 1925. С. 64.

¹⁹⁹ Тюменев А. И. Указ. соч. С. 198.

²⁰⁰ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 200, 208.

²⁰¹ Тюменев А. И. Указ. соч. С. 117, 148-149.

²⁰² Lefort J. The Rural Economy, Seventh – Twelfth Centuries // The Economic History of Byzantine. Dumbarton Oaks, 2002. P. 301.

Наследники Энметены Энентарзи и Лугальанда полностью подчинили себе храмовое хозяйство Лагаша. Наступление военной монархии вызвало отпор знати; в 2318 г. Лугальанда был отстранен от власти, и новым энси стал Уруингимна. Уруингимна ослабил контроль за храмами, но, не желая выступать против народа, еще раз объявил об «освобождении»²⁰³. Затем начались длительные войны, в ходе которых Лагаш и многие другие города Двуречья были подчинены правителем Уммы Лугальзагеси. Новый правитель, провозгласивший себя «лугалем Страны», возглавил конфедерацию городов, в которых продолжали править местные вожди, энси. Среди других городов Лугальзагеси подчинил и Киш, однако затем в этом городе началась какая-то смута, и власть захватил никому не известный простолюдин из местных семитов, настоящее имя которого не сохранилось, но который, став через несколько лет правителем Двуречья, присвоил себе имя Саргон – «истинный царь». И. М. Дьяконов утверждает, что Саргон «пришел к власти, по-видимому, на волне какого-то движения масс»²⁰⁴. Став правителем Киша, Саргон выступил против Лугальзагеси и – к удивлению историков – разгромил объединенное войско Шумера; в этой кровавой битве погибли или были захвачены в плен пятьдесят энси, взятый в плен Лугальзагеси был казнен. Последующие годы стали свидетелями новых ошеломляющих побед, когда войско Саргона, разгромив противника в «34 сражениях», достигло сначала «Верхнего» (Средиземного) моря, а затем «Нижнего» моря (Персидского залива)²⁰⁵.

* * *

Анализируя события первого периода истории Двуречья, можно сделать вывод, что многие процессы этой эпохи могут быть объяснены как результат действия трех факторов: демографического, технологического и географического. Благоприятные условия природной среды и появление ирригационной технологии обусловили резкое расширение экологической ниши Двуречья и сделали возможным быстрый рост численности населения. Затем на сцену вышел демографический фактор, рост населения привел к его уплотнению, появлению больших селений и первых городов, усилению межличностных связей, социальной дифференциации. Нехватка земли, по-видимому, была ведущим обстоятельством, приведшим к утверждению частной собственности на землю. Появление письменности и колесного транспорта способствовало созданию сложного храмового хозяйства. В конечном счете в соответствии с теорией Р. Карнейро начались войны между общинами, которые потребовали создания эффективной системы управления во главе с лугалем, – эти явления отражают процесс становления раннего шумерского государства.

Анализ в рамках демографически-структурной теории показывает, что период с середины IV тысячелетия до XXVI в. до н. э. можно квалифицировать как *фазу роста*. В этот период мы наблюдаем такие характерные черты этой фазы, как наличие свободных земель, удобных для возделывания, быстрый рост населения, рост посевных площадей, относительно высокий уровень потребления, строительство новых поселений, относительно ограниченное развитие городов, относительно ограниченное развитие ремесел, незначительное развитие аренды, незначительное развитие ростовщичества.

Большая продолжительность этого периода объясняется тем, что это был период *первоначальной колонизации*, когда заполнение экологической ниши началось практически с нуля. Для следующего периода, с начала XXVI до конца XXIV вв. до н. э., можно констатировать наличие признаков *фазы Сжатия*: отсутствие доступных крестьянам свободных земель; крестьянское малоземелье; разорение крестьян-собственников; рост задолженности крестьян и распространение ростовщичества; распространение аренды; рост крупного землевладения; уход части

²⁰³ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 209.

²⁰⁴ Там же. С. 242.

²⁰⁵ Там же. С. 238.

разоренных крестьян в города; попытки малоземельных и безземельных крестьян заработать на жизнь работой по найму, ремеслом или мелкой торговлей; быстрый рост городов; развитие ремесел и торговли; рост числа безработных и нищих; попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа; тенденция к увеличению централизации и установлению этатистской монархии; попытки увеличения продуктивности земель; попытки расширить территорию путем завоеваний; обострение борьбы за ресурсы между государством, элитой и народом; выступления оппозиционных государству фракций элиты.

Все эти явления находят свое объяснение в рамках демографически-структурной теории. Со своей стороны, диффузионистская теория позволяет объяснить процесс распространения культурных достижений шумеров и появление городов-государств на севере Двуречья и в Сирии.

Однако необходимо отметить и явления, не получающие прямого объяснения в рамках трехфакторной модели. К таким явлениям относится прежде всего храмовая форма городов-государств, наличие огромного храмового хозяйства. Для объяснения этого феномена необходимо обратиться к более частным теориям, прежде всего к теории «ирригационного государства» К. Витфогеля²⁰⁶.

Храмовое хозяйство первоначально представляло собой общественный сектор экономики, но с наступлением Сжатия храмовые должности в значительной степени приватизировались и появилась храмовая знать, распоряжавшаяся богатствами храмов в своекорыстных целях. Одновременно распространилась частная собственность, и частнособственнические отношения заняли доминирующее положение в жизни городов-государств. Дальнейшее нарастание Сжатия привело к установлению в некоторых из этих государств (в частности, в Лагаше) этатистской монархии, пытавшейся регулировать общественные отношения и облегчить положение простого народа. Другим следствием Сжатия стали ожесточенные войны, которые в конечном счете привели к созданию единого государства. Однако в ход событий неожиданно вмешался военно-технический фактор – первая военная революция.

²⁰⁶ Wittfogel E. A. *Oriental Despotism. A comparative study of total power.* New Haven, 1957.

2.2. ПЕРВАЯ ВОЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: СОЗДАНИЕ СЕМИТСКОГО ЛУКА

Секрет побед воцарившегося в 2316 г. Саргона заключался в произошедшей в этот период *первой военной революции*. Войско Саргона было не похоже на храмовые дружины предыдущего периода – на изображениях, оставшихся от того времени, нет ни колесниц, ни тяжеловооруженных дружинников. Царские воины были одеты лишь в короткие юбочки, но при этом они были вооружены новым оружием – большим и мощным луком. Более того, новый лук становится непременным оружием царей, он входит в число царских инсигний, и потомки Саргона гордо изображают себя в виде победоносных лучников. Луки, которые они держат в руках, имеют длину примерно 120 см и выгнуты вперед на концах; по мнению некоторых исследователей, эта форма указывает на то, что луки были составными, склеенными из разных пород дерева²⁰⁷. Однако остатки таких луков не сохранились и неизвестно, какие материалы использовались при их изготовлении. В любом случае быстрые и радикальные перемены в военном деле не оставляют сомнения в том, что новый лук и был тем *фундаментальным открытием*, которое вызвало волну завоеваний и создание первой мировой державы – царства Саргонидов²⁰⁸.

Судя по тому что изображения наиболее совершенных луков нового типа дошли до нас из семитского города Мари, эти луки были изобретением семитов (которые жили также на родине Саргона, в Кише). Некоторые исследователи рассматривают завоевание Шумера Саргоном в контексте покорения шумеров семитами. Семиты Киша происходили от пастушеских племен, и, по-видимому, среди воинов Саргона было много степных семитов, превосходивших земледельцев-шумеров в отношении физических качеств и родовой солидарности (асабии). Саргон утвердил свою столицу в новопостроенном городе Аккаде и основал новую, семитскую, царскую династию. Восточносемитский (аккадский) язык стал широко использоваться при дворе и в официальной переписке. Однако в целом эти события нельзя рассматривать как варварское завоевание: прошло уже несколько веков, как восточные семиты восприняли достижения шумерской цивилизации, и социальный синтез происходил в достаточно мягких формах²⁰⁹.

Социальный строй нового царства был предопределен обстоятельствами его возникновения. С одной стороны, в Шумере уже складывалась этатистская военная монархия, и в процессе социального синтеза Саргон перенимал местные традиции, восходящие к Ур-Нанше и Энметене. С другой стороны, лук был массовым, демократическим оружием, которое позволяло одерживать победы над состоявшими из знати отрядами колесничих, – это обстоятельство способствовало упадку аристократии и возвышению простонародья. Известно, что Саргон иногда обсуждал важные вопросы со своими воинами, как с народным собранием, но со временем военные победы создали культ царской власти и способствовали становлению неограниченной монархии. Народное ополчение было частично заменено постоянным войском, находившимся на содержании царя. В источниках сохранились сведения о создании Саргоном корпуса из 5400 воинов, которые «ежедневно ели перед ним свой хлеб»²¹⁰.

Создание постоянной армии – как во времена европейской военной революции XVII в. – потребовало больших средств. В поисках средств Саргон стремился осуществить старые призывания военных вождей – завладеть храмами, в которых бесконтрольно распоряжалась знать.

²⁰⁷ Там же. С. 235-236; Горелик М. В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). М., 1993. С. 67; Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. М., 2001. С.

²⁰⁸ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 236.

²⁰⁹ Тураев Б. А. История Древнего Востока. Т. 1. Л., 1935. С. 90; История Древнего Востока... Ч. 1. С. 234.

²¹⁰ Там же. С. 255.

Царь назначал на должности энси «сынов Аккада», т. е. своих сторонников-семитов, вероятно, незнатного происхождения. В результате шумерская общинная знать восстала: в конце правления Саргона «все старейшины Страны возмутились против него и осадили его в Аккаде. Но Саргон вышел из города, нанес им поражение, учинил им разгром»²¹¹. К этому времени относятся сведения о голоде²¹². При сыне Саргона, Римуше, произошло новое восстание (около 2260 г.), оно приняло характер большой гражданской войны, южные области Двуречья подверглись жестокому опустошению, были разрушены многие города, в том числе Ур и Умма. Большая часть знати была физически уничтожена, хроника говорит, что «5600 сильных мужей были выведены на истребление»²¹³. Однако знать продолжала составлять заговоры, которые стоили жизни и Римушу, и его приемнику Маништушу. После смерти Маништушу в 2236 г. произошло новое восстание, подавленное царем Нарам-Суэном (2236-2000 гг. до н. э.)²¹⁴. Нарам-Суэн завоевал Сирию и Элам, разгромил восточных «варваров» и в завершение побед провозгласил себя «царем четырех стран света» и «богом Аккада». Писцы ставили над именем царя знак бога и заканчивали свои докладные стандартной формулой: «Бог Нарам-Суэн могучий – это я, такой-то, писец, твой раб»²¹⁵.

Волна завоеваний Саргонидов привела к распространению на Ближнем Востоке аккадского культурного круга. Ведущим его элементом был аккадский лук, который был быстро взят на вооружение окружающими Шумер народами. Хорошо известен, например, рельеф XXIII в., на котором аккадский лук изображен в руках врага Нарам-Суэна, царя горцев Загроса Анубанини²¹⁶. Вслед за оружием распространялись и другие культурные элементы. Элам, некоторое время входивший в состав царства Саргонидов, принял в качестве государственного аккадский язык и стал поклоняться (наряду с местными) аккадским богам. В Эбле, разрушенной Нарам-Суэном и потом восстановленной, тоже утвердился аккадский язык. Аккадскую клинопись для своего языка приняли племена хурритов, обитавшие в это время в северной Месопотамии и на Армянском нагорье²¹⁷.

* * *

Анализируя события, связанные с рождением империи Саргона Великого, необходимо отметить сложное, пересекающееся воздействие двух ведущих факторов, демографического и технологического. В третьей четверти XXIV в. экономика Двуречья находилась в фазе Сжатия, которое проявлялось, в частности, в войнах за плодородные земли, в социальных реформах Энметены, в становлении этатистской монархии в Лагаше. В 2310-х гг. в ход событий неожиданно вмешался технологический фактор, появление мощного семитского лука. С помощью новых луков семиты из Киша во главе с Саргоном овладевают Шумером; в соответствии с диффузионистской теорией начинается процесс *социального синтеза*, во время которого Саргон перенимает этатистские традиции Лагаша. Технологический фактор движет события в том же направлении. Саргон создает вооруженную луками постоянную армию, находящуюся на содержании государства; в соответствии с теорией военной революции это приводит к *трансформации структуры* и к становлению этатистской монархии (такую трансформацию мы обозначаем АВ). Знать оказывает сопротивление, которое принимает масштабы гражданской войны. Эта война провоцирует давно назревавший экосоциальный кризис и вызывает демографическую катастрофу (около 2260 г., в правление Римуша).

²¹¹ «Овальная пластина». Цит. по: История Древнего Востока... Ч. 1. С. 239.

²¹² Тюменев А. И. Указ. соч. С. 202.

²¹³ Цит. по: История Древнего Востока... Ч. 1. С. 243.

²¹⁴ Дьяконов И. М. Указ. соч. С. 232.

²¹⁵ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 252.

²¹⁶ См.: История Древнего Востока... Ч. 1. С. 257.

²¹⁷ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 258; Ч. 2. С. 215.

В соответствии с демографически-структурной теорией экосоциальный кризис привел к уничтожению значительной части храмовой и землевладельческой элиты и к окончательному утверждению этактистской монархии Саргонидов. С другой стороны, в соответствии с диффузионистской теорией появление семитского лука и создание постоянной армии вызвало волну завоеваний, распространившуюся за пределы Двуречья и обусловившую формирование нового, аккадского, культурного круга.

2.3. ИМПЕРИЯ САРГОНИДОВ

В конечном счете восстания, войны и революции ознаменовали рождение первой военной монархии Двуречья – империи Саргонидов. И. М. Дьяконов видел историческую задачу империи в том, чтобы, во-первых, обеспечить согласованное действие ирригационных систем и прекращение войн между общинами и, во-вторых, обеспечить ликвидацию зависимости как храмовых хозяйств, так и рядовых общинников от аристократических родов²¹⁸. Царям удалось подчинить храмы и создать из храмовых хозяйств обширный государственный сектор экономики. Храмам принадлежало около половины посевных площадей, и цари продолжали в массовых масштабах скупать земли²¹⁹. «Покупки» производились после подавления восстаний, и цена была столь низкой, что историки предполагают их принудительный характер, – по-видимому, это была массовая конфискация земель у разгромленной знати. Однако то обстоятельство, что цари не решались проводить открытую конфискацию, свидетельствует об их уважении к собственности и о том, что землевладельческая аристократия отчасти сохраняла свое влияние. Знать по традиции занимала часть общинных и храмовых должностей, и лишь на некоторые из них Саргонидам удалось внедрить своих ставленников²²⁰. Постоянная борьба между царем и знатью проявилась в двойственности литературной традиции: в то время как одни источники воспевают Саргона и Нарам-Суэна, другие (несомненно, связанные со жречеством) обвиняют их в осквернении храмов²²¹.

Обожествление Нарам-Суэна (2236-2200 гг. до н. э.) стало высшим проявлением могущества этатистской монархии, жрецы и чиновники называли себя «рабами» царя, контроль за храмами становился все более действенным²²². После катастрофы времен Римуша пришел период восстановления. Цари Маништушу и Нарам-Суэн оказывали большое внимание ирригации, восстанавливали и строили храмы²²³. Однако после некоторого перерыва вновь появились сведения о разорении общинников, о продаже детей в рабство и о скупке земель знатью – по-видимому, Саргонидам не удалось остановить процессы социальной дифференциации²²⁴. Источники сообщают о голоде в правление Нарам-Суэна²²⁵. Сохранились сведения о нормах довольствия рабочих в царско-храмовых хозяйствах в период правления Саргонидов. Большинство рабочих-мужчин получали 60 сил (примерно 60 литров) ячменя в месяц, женщины получали 30 сил, и подростки – в среднем 15 сил²²⁶. Можно подсчитать, что семья с одним ребенком-подростком и одним малышом при такой оплате имела бы 195 кг ячменя в год на душу. Таким образом, потребление основной массы рабочих было близко к минимальной норме (200 кг) – это говорит о том, что уже в конце XXIII в. демографическое давление снова повысилось и достигло уровня Сжатия.

Осложнилась и военная ситуация: с северо-востока начались вторжения пастушеских племен, кутиев. За столетия, прошедшие со времен появления аккадского лука, он получил широкое распространение на Ближнем Востоке, и империя уже не обладала военно-техническим превосходством над соседями. С другой стороны, за века, прошедшие со времен семитского завоевания, асабия империи должна была ослабеть, и во всяком случае в физическом

²¹⁸ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 235.

²¹⁹ Никольский Н. М. Частное землевладение и землепользование в Древнем Двуречье. 1948. С. 24–26.

²²⁰ Якобсон В. А. Указ. соч. С. 26.

²²¹ Там же. С. 26; История Древнего Востока... Ч. 1. С. 252.

²²² Там же. С. 248-250.

²²³ Тюменев А. И. Указ. соч. С. 205.

²²⁴ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 242; Дьяконов И. М. Указ. соч. С. 222.

²²⁵ Шумер: города Эдема. М., 1997. С. 125.

²²⁶ Gelb I. J. The Ancient Mesopotamian Ration Systems // Journal of near Eastern Studies. 1965. Vol. 24. № 3. P. 232.

и психологическом отношении воины Саргонидов уступали пастушеским племенам, жившим в условиях жестокого естественного отбора. Преемник Нарам-Суэна Шаркалишарри двадцать лет сражался с кутиями и эламитами; ему случалось терпеть поражения, и он уже не называл себя богом. После смерти Шаркалишарри в стране снова начались междоусобицы, о причинах которых мы ничего не знаем, возможно, храмовая знать снова восстала против монархии. Как бы то ни было, смута привела к военной катастрофе; около 2176 г. вторгшиеся варвары окончательно овладели Двуречьем. Вторжение кутиев принесло с собой демографическую катастрофу, обширные области были опустошены варварами, многие города (в том числе Ур и Урук) превратились в руины²²⁷.

* * *

Анализируя данные о периоде правления Саргонидов с позиций трехфакторной модели, можно прийти к выводу, что гражданская война в правление Римуша (около 2260 г.) принесла с собой демографическую катастрофу, после которой начался новый демографический цикл. В отличие от первого цикла второй цикл проходил в условиях существования этатистской монархии. *Период роста* ознаменован обширными строительными работами при Маништушу и Нарам-Суэне, однако затем снова появляются признаки *Сжатия*: упоминания о голоде, низкий уровень потребления, разорение крестьян-собственников, рост ростовщичества, распространение долгового рабства, рост городов, внешние войны с целью приобретения новых земель. Второй демографический цикл продолжался около столетия и завершился новыми смутами и нашествием кутиев в 2170-х гг. Остается неясным, за счет чего кутии одержали победу; возможно, что в ходе нового экосоциального кризиса они выступили в качестве союзников одной из борющихся сил.

²²⁷ Заблоцка Ю. Указ. соч. С. 115.

2.4. ШУМЕР ПРИ III ДИНАСТИИ УРА

Хроника говорит, что вожди кутиев «не знали, как управляться законами»²²⁸, поэтому они поручили управление местным чиновникам. Некоторые уцелевшие города, например Лагаш, стали фактически самоуправляемыми, и в них возродились порядки, существовавшие до Саргона. Как в старые времена, народное собрание Лагаша выбирало местного энси, который правил вместе с советом старейшин; энси уже не руководили хозяйством храма, в котором заправляла местная знать²²⁹. Правление энси Гудеа (вторая половина XXII в.) было отмечено восстановлением хозяйственной жизни и строительством новых храмов. По-видимому, численность населения постепенно росла, поднялись из развалин Ур и Урук, общины Двуречья накапливали силы для борьбы с кутиями. С другой стороны, в соответствии с теорией Ибн Халдуна адаптация к благополучной жизни в завоеванном Двуречье должна была ослабить асабию кутиев и уменьшить их военный потенциал. Как бы то ни было, в 2109 г. в Уруке вспыхнуло восстание, во главе которого встал человек из народа, вялильщик рыбы Утухенгаль; войско восставших одержало легкую победу, кутии бежали в горы Загроса. Утухенгаль, ставший народным героем, вскоре погиб в результате несчастного случая, и царем стал его сподвижник Ур-Намму, восстановивший «царство Шумера и Аккада» и основавший III династию Ура²³⁰.

Цари III династии Ура в политическом отношении считали себя прямыми приемниками Саргонидов. Им удалось довести до конца борьбу с общинной знатью, сломленной Саргонидами и не успевшей снова набрать силу при господстве варваров. Храмовые хозяйства прочно вошли в состав государственного сектора; энси окончательно превратились в назначаемых и сменяемых царем чиновников, получающих фиксированную плату²³¹. Огромные государственно-храмовые хозяйства владели почти всей землей, крестьяне большей частью влились в состав рабочих отрядов и получали за работу продуктовые пайки. Рабочие отряды строили дома и каналы, перевозили грузы, ловили рыбу, работали в мастерских²³². Наименьшей производственной единицей в полеводстве был отряд из 4 человек во главе с пахарем, энгаром; такой отряд обслуживал большой плуг, в который впрягали 6 волов. Плуг был совмещен с сеялкой и мог за сельскохозяйственный сезон обработать 40–50 га пашни, причем вспашка производилась три раза; естественно, что такие плуги могли применяться лишь в крупных хозяйствах²³³. Отряды (эрен) были прикреплены к определенному хозяйству, но при необходимости могли перебрасываться в другие места²³⁴.

И.М. Дьяконов считал, что храмовые рабочие (гуруши) не имели семей и их статус был близок к рабскому²³⁵. Западные исследователи придерживаются иной точки зрения: И. Гельб называет гурушей работниками крепостного типа, А. Фалькенштейн причисляет их к категории полусвободного, зависимого населения²³⁶. Дж.М. Шарашенидзе убедительно показал, что гуруши в основной массе были свободными людьми, имели дома и семьи²³⁷.

²²⁸ «Хроника Вайднера». Цит. по: История Древнего Востока... Ч. 1. С. 255.

²²⁹ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 263-264.

²³⁰ Там же. С. 265.

²³¹ Тюменев А. И. Указ. соч. С. 275.

²³² История Древнего Востока... Ч. 1. С. 269.

²³³ Формы эксплуатации рабочей силы в государственном хозяйстве Шумера II пол. III тыс. до н. э. Тбилиси, 1986. С. 18; Козырева Н. В. Древняя Ларса. М., 1988. С. 35.

²³⁴ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 269.

²³⁵ Там же. С. 271.

²³⁶ Gelb I. J. The Ancient Mesopotamian Ration Systems // Journal of near Eastern Studies. 1965. Vol. 24. № 3. P. 241;

Ремесло и торговля были монополией государственного хозяйства, существовали большие государственные мануфактуры, например в мукомольне местечка Сагуб постоянно работало более 300 человек. Все произведенные работы, все выращенное и доставленное фиксировалось в учетных документах, архивы того времени представляют собой свидетельство того, какое огромное значение играет письменность в создании нового бюрократического государства. Все поля были обмерены, и результаты обмеров с указанием количества посевного зерна и урожайности сведены в кадастры²³⁸. Самый маленький расход, вплоть до выдачи двух голубей к столу царицы или туши сдохшего барана на корм собакам, фиксировался документом на глиняной плитке и закреплялся печатями ответственного чиновника и государственного контролера. Существовала сложная система перекрестного контроля деятельности каждого чиновника²³⁹. Чиновники получали натуральное довольствие, в некоторых случаях это был урожай с небольшого (до 4 га) участка земли, обрабатываемого храмовыми рабочими, однако чиновники не распоряжались на этих участках и не имели на них никаких прав. Жрецы находились на положении царских служащих²⁴⁰.

Цари III династии Ура уделяли чрезвычайно большое внимание ирригации. Ур-Намму оставил длинное описание построенных и восстановленных им каналов – единственный документ такого рода в Шумере, плод долгой работы по устройению страны²⁴¹. Сильная власть обеспечила индивидуальную безопасность и позволила создавать неукрепленные поселения вдалеке от административных центров, благодаря этому были освоены новые земли²⁴². Символом достигнутых Ур-Намму успехов стал колоссальный зиккурат в Уре, законченный при его сыне Шульги. Следуя примеру Нарам-Суэна, Шульги провозгласил себя богом, мужем богини Иштар; по обычаю в праздник Нового года царь поднимался на вершину зиккурата, чтобы вступить с Иштар в «священный брак»²⁴³. Преемники Шульги также объявляли себя богами. К периоду III династии Ура относится *оформление монархической традиции* – в это время было создано учение о божественной, единой и вечной царственности, «нам-лугала», возникшей в начале времен и передававшейся от одного царя к другому без перерыва, из века в век. Документальным подтверждением этой теории должен был стать «Царский список», составленный при царе Ур-Намму, – первая «официальная история» Двуречья²⁴⁴.

Государственный сектор полностью преобладал в жизни общества, но тем не менее сохранялся и частный сектор. Вне храма по-прежнему существовала община, однако о ее жизни сохранилось мало известий. Шульги, по-видимому, пытался вообще ликвидировать всякие следы общинного самоуправления; все сколько-нибудь существенные дела решали царские чиновники²⁴⁵. Как и прежде, общинники не платили определенных налогов, но приносили «дары» храмам и отбывали месячную трудовую повинность, по большей части на ремонте оросительных систем²⁴⁶. Чтобы остановить социальную дифференциацию в общине, цари запретили куплю-продажу земли и время от времени вновь объявляли о «справедливости» – об отмене долгов и освобождении долговых рабов²⁴⁷. В целях государственно-правового регу-

Шарашенидзе Дж. М. Указ соч. С. 8–9.

²³⁷ Там же. С. 11-13, 120-121.

²³⁸ Тюменев А. И. Указ. соч. С. 252.

²³⁹ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 270-271.

²⁴⁰ Там же. С. 276; Тюменев А. И. Указ. соч. С. 259; Дьяконов И. М. Указ. соч. С. 50.

²⁴¹ Андрианов Б. В. Указ. соч. С. 95.

²⁴² Дьяконов И. М. Люди города Ура. М., 1990. С. 9.

²⁴³ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 282.

²⁴⁴ Там же. С. 281.

²⁴⁵ Там же. С. 269.

²⁴⁶ Дьяконов И. М. Указ. соч. С. 9, 21.

²⁴⁷ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 273.

лирования был создан древнейший в мире юридический кодекс – законы Ур-Намму «Ур-Намму, – говорит этот кодекс, – установил справедливость в Стране, воистину он изгнал зло, насилие и раздор... Бедняк не был отдаваем во власть богатого»²⁴⁸. Сохранились многочисленные известия о судебных процессах, на которых порабощенные бедняки пытались отстоять свою свободу²⁴⁹.

Тем не менее разорение крестьян продолжалось, об этом свидетельствует стремление многих крестьян получить работу в храме и многочисленные упоминания о продаже родителями своих детей в рабство. Цена на рабов была как никогда низкой: раб стоил 9 сиклей серебра, рабыня стоила вдвое меньше²⁵⁰; как видно из рис. 2, такие цены характерны для периодов Сжатия. Низкие нормы довольствия храмовых работников – те же, что и во времена Саргонидов – также говорят о дешевизне рабочей силы, что является одним из основных признаков Сжатия. Следует отметить, что при III династии в храмовых хозяйствах была сосредоточена основная масса трудового люда, и, стало быть, все эти люди получали пропитание на уровне голодного минимума. Общинники, нанимавшиеся в храмовые хозяйства на сезонные работы, получали в 3 раза больше, чем гуруши, 6 сила (3,7 кг) в день, однако при постоянном найме плата снижалась до обычной оплаты гурушей²⁵¹. Для сравнения можно отметить, что в Европе в период Сжатия в начале XVII в. на дневную плату можно было купить 3,5-4 кг зерна²⁵².

Государство III династии Ура погибло в результате нашествия амореев и эламитов около 2003 г. до н. э. Так же как и двести лет назад, привыкшие к мирной жизни земледельцы не смогли оказать сопротивления закаленным суровым естественным отбором пастухам из степей. Нашествие означало демографическую катастрофу: Двуречье подверглось жестокому опустошению, города обратились в развалины. «Людьми, а не черепками покрыта окрестность; стены зияют, ворота и дороги завалены телами», – повествует «Плачь о гибели Ура». Ирригационные каналы были разрушены, страна запустела: «Мои поля, с которых изгнана мотыга, вырастают нечистые сорные травы; моя равнина, где веселились и пировали, воистину высохла, как печь»²⁵³.

* * *

Анализируя период с 2170-х гг. до конца XXI в. до н. э. с точки зрения трехфакторной теории, можно сделать вывод, что эта эпоха представляет собой *третий демографический цикл* истории Двуречья. После завоевания начался период *социального синтеза*, который происходил с преобладанием шумерских культурных традиций, – как видно из хроник, варвары ограничились получением дани, не вмешиваясь в управление городами Двуречья. Однако остается неясным, почему города Двуречья не сохранили монархической формы правления, а вернулись к древним порядкам – к самоуправляемым храмовым общинам. Эта реверсия означала *трансформацию структуры*, переход от этатистской монархии к частнособственническому обществу. Таким образом, в соответствии с нашей системой обозначений итогом предыдущего (саргонидского) цикла была нетипичная трансформация структуры типа ВА^c (верхний индекс «с» означает результат завоевания), а весь цикл имел вид АВА^c.

Как бы то ни было, во второй половине XXII столетия начался *период роста*, он ознаменован строительной деятельностью Гудеа и восстановлением разрушенных кутиями городов. Уже к концу XXII в. демографическое давление повысилось и начавшееся *Сжатие* вызвало народное восстание. Асабия кутиев к этому времени, видимо, заметно ослабла, и они бежали

²⁴⁸ Хрестоматия по истории Древнего Востока. Т. 1. М., 1980. С. 146-147.

²⁴⁹ Там же. С. 148-150.

²⁵⁰ История Древнего Востока... С. 273; Шарашенидзе Дж. М. Указ. соч. С. 81.

²⁵¹ Тюменев А. И. Указ. соч. С. 271.

²⁵² Abel W. Crises agraires en Europe (XIIe – XXe siècles). Paris, 1973. P. 189.

²⁵³ Цит. по: История Древнего Востока... С. 287-292.

почти без борьбы. Восстание привело не только к изгнанию кутиев, но и к *трансформации структуры*, к социальной революции, отнявшей власть у общинной знати и восстановившей этактистскую монархию XXIII в. (трансформация типа $A^C B$).

Этот социальный переворот совершился без больших потрясений, что можно объяснить воздействием уже сформировавшейся монархической традиции; после изгнания кутиев возврат к традиционной монархии выглядел вполне естественным. Демографический цикл продолжался в условиях новых социально-экономических отношений. III династия Ура проводила широкомасштабные мероприятия, направленные на понижение давления, обеспечение народа землей и хлебом (сюда относятся не только ирригационные работы, но и меры по социальной поддержке крестьянства), отмену долгов, запрет продажи земель и т. д. В целом государство III династии демонстрирует невиданный прежде уровень государственного регулирования и политической централизации; государственный сектор полностью преобладал в жизни страны – до такой степени, что Л. С. Васильев называет это государство «коммунистической казармой»²⁵⁴. До некоторой степени преобладание крупных хозяйств может объясняться технологическим фактором – использованием мощного плуга с запряжкой из шести быков (подобным образом использование трактора послужило стимулом для коллективизации).

Как бы то ни было, государственное регулирование в рамках этактистской монархии не смогло остановить *Сжатия*, в конце XXI в. мы наблюдаем такие характерные признаки этой фазы цикла, как низкий уровень потребления, дешевизну рабочей силы, развитие ростовщичества и его следствие – распространение долгового рабства. Третий демографический цикл истории Двуречья был прерван нашествием амореев, принесшим с собой новую демографическую катастрофу и восстановление частнособственнического строя под покровом слабой монархии. В итоге общая схема урского цикла выразилась формулой $A^C B A^C$.

²⁵⁴ Васильев Л. С. История Востока. Т. 1. М., 1994. С. 96.

2.5. СТАРОВАВИЛОНСКИЙ ПЕРИОД

Аморей заняли почти все Двуречье, за исключением юго-запада, где около столетия продолжало существовать небольшое царство Иссин – обломок погибшего государства III династии. На остальной территории Двуречья падение демографического давления вернуло к жизни картины прошлого в сочетании с новыми, привнесенными амореями, социальными формами. Масштабы нашествия были таковы, что изменился язык основной массы населения; в простонародном общении шумерский язык был вытеснен семитическим аккадским языком: на севере Двуречья, в Аккаде, издавна проживали семиты, и вторжение семитов-амореев дало аккадскому языку решающее преимущество над шумерским. Шумерский язык сохранился в качестве ученого языка писцовых школ – своеобразной «латыни» наступившего «средневековья»²⁵⁵.

Аморей далеко не сразу овладели городами Двуречья; поначалу они продолжали жить в шатрах и кочевать по полям, быстро высыхающим из-за разрушения ирригационных систем. Многие из них нанимались воинами к мелким шумерским правителям и получали за это наделы, которые обрабатывали арендаторы из местного населения, – так что в конце концов само слово «аморей» стало синонимом наемника²⁵⁶. Затем вожди племен и наемники стали захватывать города и принимать титулы «царей», однако в отличие от прежних царей вожди амореев лишь требовали подати и не вникали в дела. В силу такого положения храмы и общины стали более самостоятельными, снова оживились народное собрание и совет старейшин. Многие храмы лежали в развалинах, царские чиновники разбежались, часть царской и храмовой земли была захвачена в собственность, оставшиеся земли сдавались в аренду начальникам рабочих отрядов, энси²⁵⁷. «Многочисленные государственные начальники... оказались в положении, когда им было не перед кем отчитываться, и, коль скоро они платили завоевателю известный побор, ничто не мешало им обращаться с доверенной их управлению частью государственного хозяйства, как со своей собственной», – пишет И. М. Дьяконов²⁵⁸. Храмовое хозяйство потеряло общественный характер, храмовые должности и должностные наделы продавались: «Доходные должности оказались в неподотчетном положении, ничем не отличающемся от собственности. Поэтому эти должности немедленно стали объектами купли-продажи»²⁵⁹. Л. С. Васильев называет этот процесс «приватизацией»²⁶⁰.

Войны между аморейскими племенами долгое время препятствовали восстановлению хозяйства. В начале XIX в. в различных царствах были начаты работы по восстановлению ирригационных систем, но не успели они завершиться, как катастрофический разлив Тигра и Евфрата (около 1860 г.) привел к изменению русел рек и гибели большей части населения. Значительное строительство возобновилось лишь во второй половине XIX в., когда на юге Двуречья усилилось царство Ларса. Царям Ларсы удалось стабилизировать обстановку в подвластных им областях, и с этого времени начался рост городов. Разрушенный в 2003 г. Ур к этому времени был восстановлен и в конце XIX в. достиг прежней численности населения – около 50 тыс. человек. Появились многочисленные новые поселения в окрестностях города,

²⁵⁵ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 338.

²⁵⁶ Там же. С. 319.

²⁵⁷ Козырева Н. В. Социальный состав рабочего персонала крупных хозяйств в старовавилонской Месопотамии // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М., 1989. С. 44.

²⁵⁸ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 325.

²⁵⁹ Там же. С. 334.

²⁶⁰ Васильев Л. С. Указ. соч. С. 91.

правда, из-за многочисленных разбойников эти поселения приходилось укреплять каменными башнями, димту²⁶¹.

Следует отметить, что в период восстановления экономики ощущалась нехватка рабочей силы и заработная плата была относительно высокой; относящиеся к этому времени законы Эшнунны устанавливают месячную плату в 1 сикль серебра и 1 пан (60 сила) ячменя²⁶². Учитывая, что 1 гур (300 сила) зерна стоил 1 сикль, получим размер дневной платы (при краткосрочном найме) в 12 сила (7,4 кг) – вдвое больше, чем при III династии. В сезон сбора урожая жнец получал 12 шеумов серебра в день; поскольку 1 шеум равен 1/180 сикля, то дневная плата в пересчете на зерно была равна 20 сила (12,4 кг). Дороговизна рабочей силы сказалась на цене рабов – раб стоил 20-30 сиклей серебра или 6-9 тыс. сила зерном, вдвое-втрое дороже, чем при III династии. Зафиксированная в законах Эшнунны цена на зерно оставалась той же, что и при III династии, однако известно, что в отдельные годы она падала втрое²⁶³, – таким образом, уровень жизни в период восстановления экономики был относительно высоким.

Оживление хозяйственной деятельности в условиях отсутствия государственного регулирования привело к бурному развитию частного предпринимательства. Сохранившиеся документы тех времен говорят о ростовщиках и торговцах, оперирующих значительными капиталами, о землевладельцах, имеющих в собственности сотни гектар земли и десятки рабов²⁶⁴. Нормы процентной ставки составляли 20% при займе серебром и 33% при займе зерном, неоплатные должники отдавали в счет долга своих детей и поля. Рабство получило большое распространение, причем в отличие от предыдущего периода рабы уже не охранялись законом от хозяйского произвола, в ходу были кандалы и колодки²⁶⁵.

Масштабы предпринимательской деятельности частных лиц, конечно, не могли идти в сравнение с масштабами деятельности храмов. Храмы, превратившиеся в огромные частные корпорации, владели обширными полями, содержали ремесленные мастерские, вели торговые операции, занимались ростовщичеством и, кроме того, получали десятину с местного населения. Особую роль играло храмовое ростовщичество, храмы выдавали займы под залог и в массовых масштабах обращали в рабов несостоятельных должников и их детей²⁶⁶. Доходы от многообразной деятельности храма распределялись между владельцами храмовых должностей, пребенд, в виде «платы» за исполнение своих обязанностей (в действительности эти обязанности исполняли нанятые заместители). Пребенды служили в качестве акций, по которым распределялась прибыль «компаний»; они дробились на доли, продавались и перепродавались, служили объектом спекуляций²⁶⁷. Размах частного и корпоративного предпринимательства побуждает многих авторов говорить о «капиталистических предприятиях» и развитии «капитализма» в Двуречье²⁶⁸; таким образом, в условиях падения демографического давления произошел возврат к традициям частнособственнического общества.

В конце XIX в. наблюдается быстрый рост количества частнопроводных документов, свидетельствующий как об экономическом росте, так и о прогрессирующем разорении общинников. От этого времени дошло великое множество писем бедных крестьян, просящих помощи у богачей или у царя; сообщается о скитающихся по дорогам толпах безработных и нищих²⁶⁹.

²⁶¹ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 348.

²⁶² Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963. С. 191.

²⁶³ Козырева Н. В. Древняя Ларса. М., 1988. С. 55.

²⁶⁴ Там же. С. 71, 74, 93; Дьяконов И. М. Указ. соч. С. 169-193.

²⁶⁵ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 325, 327.

²⁶⁶ Козырева Н. В. Указ. соч. С. 10.

²⁶⁷ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 357; Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971. С. 109.

²⁶⁸ См., например: Вебер М. Указ. соч. С. 78, 81.

²⁶⁹ Заблоцка Ю. Указ. соч. С. 162.

В конце концов развитие частного сектора столкнулось с унаследованными от прошлого монархическими традициями. Как отмечалось выше, процесс перенимания варварами-завоевателями социальных и культурных традиций завоеванных стран является частью *процесса социального синтеза*. В роли восстановителя этих традиций выступил царь Ларсы Рим-Син (1822-1763 гг. до н. э.); подражая великим царям прошлого, он в 1801 г. объявил себя богом, а восемь лет спустя запретил продажу земель и ограничил ростовщические сделки²⁷⁰. Социальные реформы Рим-Сина были поддержаны вавилонским царем Хаммурапи (1792-1750 гг. до н. э.), который, взойдя на престол, объявил о «справедливости», т. е. об отмене долгов и освобождении долговых рабов. В 1762 г. Хаммурапи овладел Ларсой и объединил Двуречье. По-видимому, большая часть земель крупных собственников была взята в царский фонд, а их владельцы превратились в «царских людей» – это было равносильно массовой конфискации частной собственности²⁷¹.

Восстановление единого «царства Шумера и Аккада» означало прежде всего восстановление ирригационной сети. Десятки тысяч крестьян были мобилизованы на ремонт и строительство каналов, эти работы продолжались непрерывно девять лет. Под руководством самого царя был проведен грандиозный канал, восхвалявшийся в надписях как «богатство народа», «река Хаммурапи, приносящая изобилие Шумеру». Все население обязано было нести двухмесячную трудовую повинность на ирригационных работах, уклонение от повинности строго каралось²⁷². На обводненных царских землях должны были селиться обнищавшие крестьяне. Таким образом (впервые за двести лет истории) царь обеспечил пристанище и дал возможность прокормиться тем, кто утратил статус крестьян и членов гражданской общины²⁷³.

Так же как и Саргон, Хаммурапи подчинил храмовые хозяйства и изымал большую часть их доходов. Царские и храмовые поля сдавались в аренду начальникам рабочих отрядов, которые получали посевное зерно, упряжки из шести быков с большими плугами, довольствие для своих людей и отдавали в оплату аренды 1/3 – 2/3 урожая²⁷⁴. Людей, работающих на царя в этих хозяйствах (прежних гурушей), называли «людьми царя», «мушкенум» (буквально – «падающий ниц перед царем»). Остальное население (полноправные члены городских и сельских общин) именовалось просто «людьми», «авилум»; со временем «авилум» стало вежливым обращением к человеку, обладающему определенным достатком²⁷⁵.

Воины (преимущественно амореи) в оплату за свою службу получали от царя земельные наделы, которые они могли передать по наследству, но не имели права продать. Размеры воинских наделов составляли обычно около 12 га; это лишь вдвое больше того участка, который, по расчетам исследователей, необходим для прокормления крестьянской семьи. Воин иногда владел одним или двумя рабами; если же рабов не было, то он договаривался с другим воином, и они по очереди несли службу и обрабатывали землю²⁷⁶. Чиновники и работавшие на казну ремесленники также получали служебные наделы. Надел ремесленника составлял 9-12 га, надел чиновника – 12-75 га; при Рим-Сине высшие чиновники получали до 300 га²⁷⁷.

Подражая великим царям III династии, Хаммурапи восстановил систему государственного регулирования: он запретил частную торговлю, продажу земли и восстановил регулярное

²⁷⁰ Дьяконов И. М. Указ. соч. С. 28-30.

²⁷¹ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 368.

²⁷² Андрианов Б. В. Указ. соч. С. 100; История Древнего Востока. М., 1979. С. 133; История Древнего Востока... Ч. 1. С. 332.

²⁷³ Заблоцка Ю. Указ. соч. С. 220.

²⁷⁴ Козырева Н. В. Социальный состав... С. 44.

²⁷⁵ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 337.

²⁷⁶ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 329, 378-379.

²⁷⁷ Там же. С. 378-379.

проведение «справедливости»²⁷⁸. И. М. Дьяконов рассматривает эти ограничивающие частное предпринимательство реформы как возвращение к восточной деспотии²⁷⁹, однако в данном случае привычные дефиниции явно вступают в противоречие со здравым смыслом²⁸⁰. Именно Хаммурапи был автором знаменитого кодекса законов и создателем того общественного порядка, который в наше время принято называть «правовым государством».

«Когда славнейший Анум, царь Аннуннаков, и Эллилль, владыка небес и земли... возвысили Вавилон над четырьмя странами света, – гласит вступление к законам Хаммурапи, – тогда-то меня, Хаммурапи, правителя заботливого и богобоязненного, назвали по имени, дабы *справедливость* в стране была установлена, дабы погубить незаконных и злых, дабы сильный не притеснял слабого»²⁸¹. Установление правового порядка, таким образом, преследовало четко выраженную социальную задачу – остановить произвол «богатых и сильных». Именно с этой целью Хаммурапи создал царские суды, которые судили по писаным законам и в которые мог обратиться любой общинник, недовольный решением общинного суда. И. М. Дьяконов особо отмечает, что царь поощрял подачу жалоб в эти суды, но не вмешивался в их деятельность и не диктовал свою волю²⁸².

Законы Хаммурапи практически уничтожили долговое рабство: отныне отработка долга несостоятельным должником ограничивалась работой одного из членов его семьи в течение трех лет, причем отрабатывающий не считался рабом²⁸³. Несколько статей законов Хаммурапи посвящены государственному регулированию оплаты за труд, и это позволяет оценить «официальный» уровень потребления в середине XVIII в. При краткосрочном найме оплата составляла 5-6 шеумов серебра – в пересчете на зерно 8-10 сила в день (5 – 6,2 кг), значительно меньше, чем в законах Эшнунны²⁸⁴. При постоянном найме работник низкой квалификации (погонщик волов) получал 6 гур зерна в год, т. е. 5 сила (3,2 кг) в день.

Как видно из приводимых ниже данных (рис. 3), реально заработная плата при месячном найме составляла в правление Хаммурапи около 5 кг ячменя. Таким образом, уровень демографического давления был меньшим, чем в период Сжатия при III династии Ура. Строительство новых ирригационных систем какое-то время позволяло компенсировать рост демографического давления, но экологическая ситуация осложнялась прогрессирующим засолением земель; по сравнению со временами Саргонидов урожайность снизилась с 12 до 8 ц/га²⁸⁵.

В правление сына Хаммурапи, Самсуилуны (1749-1712 гг. до н. э.), на Двуречье обрушились орды варваров-касситов, это были пастушеские племена, освоившие новое оружие, боевую колесницу, их вторжение грозило цивилизации страшной опасностью. С большим трудом, после нескольких поражений, Самсуилуине удалось отбросить варваров; касситы отступили на средний Евфрат и основали здесь царство Хана, из Ханы они продолжали совершать набеги на Вавилон. Неудачи Самсуилуны побудили к действию всех врагов монархии, прежде всего крупных собственников, потерявших свои земли и доходы²⁸⁶; на юге Двуречья началось восстание, переросшее в большую гражданскую войну. Война продолжалась три года, царские войска

²⁷⁸ Там же. С. 367.

²⁷⁹ Там же. С. 370.

²⁸⁰ Грантовский Э. А. К изучению проблем политического и идеологического развития стран Востока // Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987. С. 19.

²⁸¹ Цит. по: История Древнего Востока... Ч. 1. С. 371.

²⁸² История Древнего Востока... Ч. 1. С. 367.

²⁸³ Там же. С. 367, 371, 380.

²⁸⁴ Хрестоматия по истории Древнего Востока. Т. 1. М., 1980. С. 173.

²⁸⁵ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 329.

²⁸⁶ Там же. С. 387.

жестоко опустошили половину страны; Урук, Ур, Ларса и многие другие города были разрушены, а их население вырезано²⁸⁷. Гражданская война означала демографическую катастрофу.

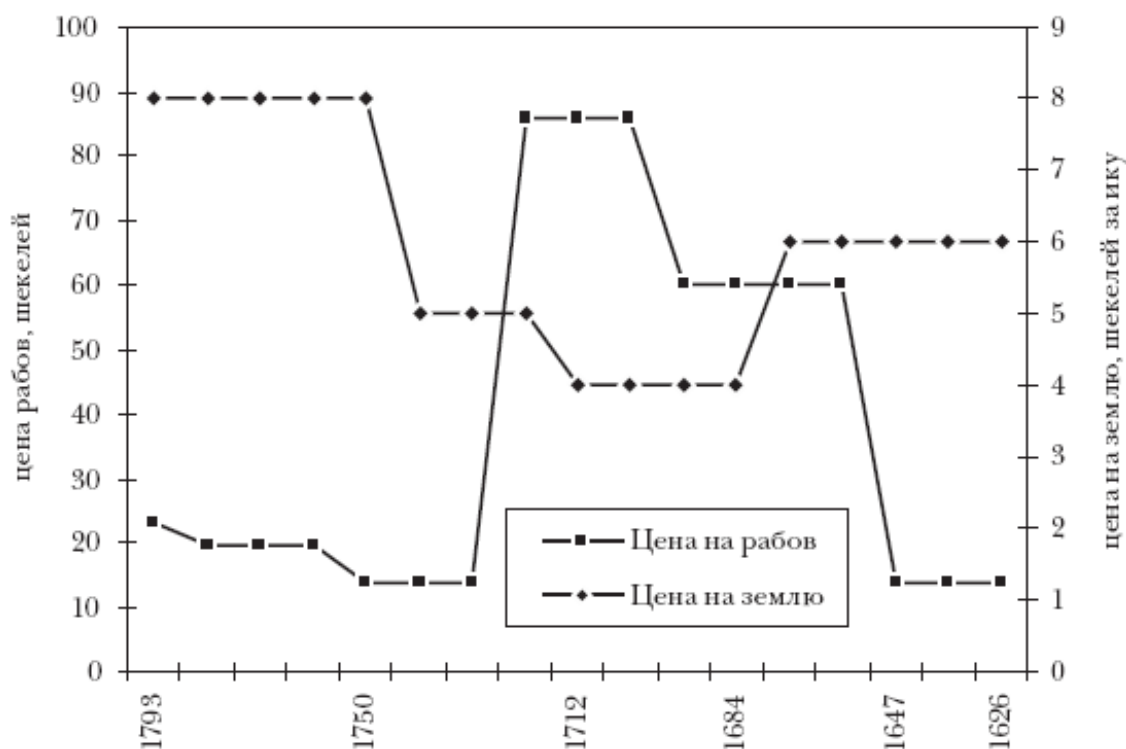

Рис. 2. Динамика цен на рабов и землю в Вавилонии

Американский исследователь Х. Фарбер посвятил обстоятельное исследование вопросу о динамике цен в XVIII – XVII вв. до н. э.²⁸⁸. Наиболее подробная информация имеется о ценах на рабов и участки земли. На рис. 2 мы совместили два графика, приводимых Х. Фарбером и отражающих динамику этих величин²⁸⁹. Цены на рабов характеризуют стоимость рабочей силы и в экономической теории ведут себя так же, как реальная зарплата, т. е. с ростом численности населения цены на рабов уменьшаются, а с сокращением населения – увеличиваются. Цена на землю жестко связана с земельной рентой, и при увеличении численности населения она, как и рента, возрастает, а при уменьшении – убывает. Таким образом, на графике представлена динамика двух составляющих экономического процесса, которые, по мальтузианской теории, должны колебаться в противофазе. На графиках Х. Фарбера плоские участки обозначают среднюю цену за соответствующий период, а наклонные участки – переход от одной средней цене к другой, т. е. динамика передана «в первом приближении». Тем не менее мы можем наблюдать достаточно хорошее совпадение с теорией: цена на рабов и стоимость земли действительно колеблются в противофазе.

Данных о ценах и заработной плате значительно меньше; на рис. 3 мы представили имеющиеся данные о ценах на ячмень и заработной плате, выплачиваемой зерном. Как видно из рис. 3, эти данные содержат большую лагуну, приходящуюся как раз на время после катастрофы 1730-х гг.; когда же в 1680-х гг. снова появляются сведения о заработной плате, то ее уровень

²⁸⁷ Там же.

²⁸⁸ Farber H. A Price and Wage Study for Northern Babylonia During The Old Babylonian Period // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. XXI. Part 1. P. 1-51.

²⁸⁹ Ibid. Graph. 1, 9. Мы усреднили цены на мужчин и женщин, приводимые Х. Фарбером отдельно.

(насколько можно судить по немногочисленным документам) оказывается в полтора-два раза выше, чем до катастрофы.

В целом заработная плата и цены на продовольствие ведут себя в соответствии с теорией демографических циклов (ср. рис. 1). Как видно из рис. 3, тренд реальной заработной платы, как и должно быть в теории, соответствует динамике цен на рабов, поэтому для анализа экономической динамики удобнее использовать более подкрепленные данные для цен на рабов и землю (рис. 2).

Как видно из этих графиков, после катастрофы 1730-х гг. цена на рабов возросла, а цена на землю резко упала. Это, очевидно, свидетельствует о резком уменьшении численности населения, о чем говорят также сведения о разрушении многих городов и запустении южных областей. Х. Фарбер приводит сведения о резком росте цен не только на рабов, но и на скот, на шерсть, на аренду домов, и хотя эти данные фрагментарны, в совокупности они позволяют говорить о резком скачке цен после 1740 г, что вместе с падением цен на землю говорит об обстановке кризиса, разрухи и войн. Как отмечалось выше, мы практически не имеем сведений об уровне потребления в этот период, но трудно ожидать, чтобы он был высоким (связь между ценой рабов и заработной платой устойчива только в нормальных условиях). Как показывают данные рис. 2, период разрухи продолжался около полувека, что объясняется, по-видимому, возобновлявшимися время от времени смутами и опустошительными вторжениями касситов. Восстановление началось в период правления Абиешу (1711-1684 гг. до н. э.), от которого сохранились сведения об отчистке и обновлении каналов и сооружении на них новых городов²⁹⁰. В условиях стабилизации должен был возрасти – и прийти в соответствие с ценой рабов – также и уровень реальной заработной платы; действительно, мы имеем отдельные (хотя и фрагментарные) факты, подтверждающие эти соображения (см. рис. 3). В правление Аммидитаны (1683-1647 гг. до н. э.) процесс восстановления становится более интенсивным; уменьшение цены на рабочую силу и удорожание земли в этот период, очевидно, свидетельствуют о быстром росте населения. В социально-политическом отношении цари XVII в. продолжали традиции предшествующей эпохи и время от времени провозглашали «справедливость». При Амиццадуке (1646 – 1626 гг. до н. э.) цены на рабов и реальная заработная плата практически вернулись к уровню времен Хаммурапи, т. е. к уровню, предшествовавшему кризису. Однако для правления Самсудианы (1625 – 1595 гг. до н. э.) данные о цене рабов и земли отсутствуют. Отрывочные сведения о ценах на скот и ячмень говорят о резком скачке цен²⁹¹, таком, как в период кризиса после 1740 г, т. е. есть основания говорить о наступлении нового экосоциального кризиса. О том, что происходило в правление Самсудианы, практически ничего неизвестно. Достоверно лишь то, что касситы продолжали наступать на царство Шумера и Аккада; войны тянулись десятилетиями, в конце концов в 1595 г. касситы и хетты овладели Вавилоном. Нашествие принесло с собой новую катастрофу, Вавилон был разрушен, население вырезано или угнано в плен. Масштабы катастрофы были таковы, что от двух последующих столетий не осталось практически никаких документов. Писцы Вавилона погибли, и не кому было рассказать о том, что было после «конца света»²⁹².

²⁹⁰ История Древнего Востока... Ч. 1. С. 389.

²⁹¹ Farber H. Op. cit. Graph. 12, 13.

²⁹² Там же. С. 388-391, 415.

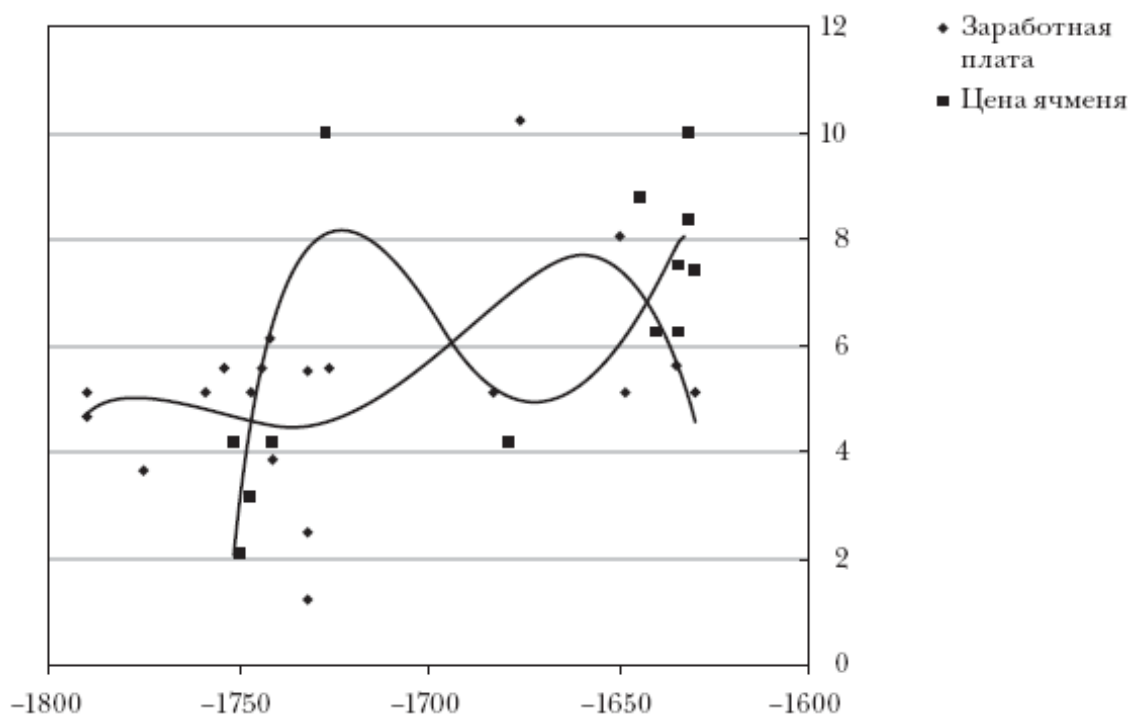

Рис. 3. Данные о заработной плате при месячном найме (в пересчете на кг в день) и цена ячменя (в сиклях за пан = 1/5 кура). Полиномиальные тренды для заработной платы (сплошная линия) и цен (прерывистая линия)²⁹³

* * *

Возвращаясь к анализу исторического процесса с позиций трехфакторной модели, необходимо заметить, что нашествие амореев было намного более разрушительным, чем нашествие кутиев, — междоусобные войны продолжались около двух столетий. Долгие войны не позволяли приступить к восстановлению хозяйства, военное давление оставалось высоким, а численность населения — низкой; как условлено ранее, мы называем такие периоды *интерциклами*.

Масштабы нашествия были таковы, что этнокультурная традиция шумеров оказалась надломленной, — в процессе *социального синтеза* изменился даже язык, в культурном (и, вероятно, антропологическом) отношении получили преобладание семитические элементы. Хотя амореи не обладали новым оружием, их физическое и психологическое превосходство было признано, и они стали военным сословием в тех городах-государствах, на которые распалось единое царство после нашествия. Падение монархии под ударами варваров привело к разрушению государственных хозяйств, «приватизации» и возрождению частного сектора; так же как нашествие кутиев, нашествие амореев вызвало *реверсивную трансформацию структуры* и возврат к ранним формам социальной организации (трансформация типа ВА^С). Повторяемость этого явления (оно еще раз повторится после нашествия касситов, а затем после нашествия халдеев) заставляет видеть в нем некую закономерность, не объяснимую в рамках трехфакторной модели. Очевидно лишь то обстоятельство, что частнособственническое общество, возникающее среди развалин, является социальной формой, соответствующей относительно низкому демографическому давлению и условиям децентрализации. Когда давление повышается, оно уступает место этатистской монархии; и как в «урском», так и в «старовавилонском» цикле это происходит без большой борьбы.

²⁹³ Ibid. Appendix. Tab. H. Мы исключили случаи найма детей родственниками, а также сомнительные случаи, выделенные в таблице знаком вопроса.

В XIX в. наметилась относительная политическая стабилизация, которая означала начало нового демографического цикла. Междоусобные войны поутихли и появились характерные признаки *периода роста*: рост населения, восстановление разрушенных поселений, относительно высокий уровень жизни крестьян, дороговизна рабочей силы, относительная политическая стабильность. К концу столетия появляются признаки *Сжатия*:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.